

Александр Карабчиевский

По специальности

Современная драма в 15 явлениях

Действующие лица:

Михаил Павлович Вильяшевич (в дальнейшем тексте «**Мих.**») – мужчина лет 30-32, выглядит моложе, среднего роста, и упитанности, по характеру скорее молчаливый, нежели общительный; работник умственного труда.

Жанна – его жена и ровесница, худощавая, подвижная и кокетливая; волосы выкрашены яркими тонами естественного цвета, одета броско, но немодно.

Семён Иванович (в дальнейшем тексте «**И-ч**») – смотритель специального объекта, лет 50-53, жилистый и крепкий, одет в тёмного цвета форму, напоминающую военную.

Мария Ивановна (в дальнейшем тексте «**И-а**») – его жена и сотрудница, крупная, склонная к полноте женщина лет 45-48, одевается в строгие блузы и тёмные юбки.

Игорь Олегович Лощёнов (в дальнейшем тексте «**Лощ.**») – проверяющий специального объекта, а также носитель множества других должностей и обязанностей, мужчина лет 27-29, высокий, самоуверенный, одет «с иголочки», искренне считает себя красавцем и умницей.

Георгий (в дальнейшем тексте «**Жора**») – старший охранник специального объекта, прекрасно физически развитый, но начинающий тучнеть мужчина лет 30-35, грубоватый и резкий.

Другие обитатели объекта:

Камера №1. Владимир (в дальнейшем тексте «**Перв.**»), бывший бизнесмен и богач, ныне крайне измученный человек лет 55-60, сидит в потрёпанном инвалидном кресле.

Камера №2. Дора (в дальнейшем тексте «**Дора**») – женщина лет 40-45, в прошлом принадлежала к провинциальному «великосветскому обществу», сохранила остатки привлекательности, в волосах уже проглядывает седина.

Камера №3. Борис (в дальнейшем тексте «**Трет.**») – мужчина лет 68-72, бывший преподаватель, щуплый, седой, говорит чётко, но быстро, будто боится не успеть изложить всё намеченное.

Камера №4. Безымянный персонаж (в дальнейшем тексте «**Четв.**») – истощённый, болезненного вида человек неопределённого возраста.

Камера №6. Ещё один безымянный персонаж (в дальнейшем тексте «**Шест.**») – человек неприметной внешности с незапоминающимся лицом.

Всего 11 говорящих персон, из которых 3 женщины. По усмотрению режиссёра, который возьмётся за постановку этой пьесы, могут быть введены ещё персонажи без речей, охранники специального объекта. По его же желанию автор готов ввести в действие других, пока не указанных персонажей любого требуемого возраста и пола, а также удалить любого из имеющихся персонажей без вреда для драматической канвы, сделав это в кратчайшие сроки и за минимальное вознаграждение.

Место действия и особенности мебелировки становятся ясны всякому, кто дочитает эту драму до конца. Камеры напоминают случайные корабельные каюты или комнаты нищего общежития, кроме камеры №2, в которой сохранён минимальный уют. В коридоре стоит надзирательский стол со стульями. На прогулочном дворике в землю врыта старая деревянная скамья без спинки.

Явление 1. Коридор объекта.

И-ч. Привезли, ага. Проходите. Сюда, пожалуйста.

Мих. Наконец-то. Хоть кто-то мне объяснит, в чём дело.

И-ч. Вот сюда присядьте, на этот стульчик. Подождите, сейчас мы вас оформим.

Мих. Кто вы такие? Что значит «оформим»? Да отпустите меня, чёрт вас подери!

Жора. Слушай, мужик, тебе же не нужны неприятности, так? Нам они тоже не нужны.

Мы тебе сказали: «Пойдём с нами»? Сказали? Вот видишь. Тебя сюда привезли?

Привезли. Тебя по дороге били?

Мих. Ну...

Жора. Почти не били. Вот. Подожди, пока тебя примут. Придёт твой проверяющий и всё тебе объяснит. Понял? А если ты непонятливый, ты можешь сделать нам неприятности.

Случайно. А мы тогда тебе. Тоже. Не доводи нас до этого. Ты понял?!

И-ч. Надеюсь, вы поняли. В любом месте существуют правила. И здесь особенно. Если вы будете сопротивляться правилам, вас могут побить. Вам будет больно. Разве вам это понравится? Вот и нам не понравится, если вы не будете соблюдать правила. Правила обязательны для всех.

Мих. Это кафкианское что-то. Кто вы такие? Из какой организации?

И-ч. Выложите, пожалуйста, на этот стол все вещи из карманов. Скоро придёт ваш проверяющий, он всё, что нужно, вам скажет. Всё выкладывайте, всё, что имеется.

Мих. Хотя бы ордер на арест у вас есть?

И-ч. Конечно, есть. У нас все необходимые документы есть. Ваша фамилия?

Мих. Вильяшевич. Михаил Павлович.

И-ч. Вот. Через «я» писать или через «ё»?

Мих. Через «я».

И-ч. Вот... Павлович... Проживали где?

Мих. Окружная, восемь, квартира три. Я и сейчас там проживаю.

И-ч. Улица Окружная, дом восемь, три. Ну, пока же вы здесь... Попрживаете.... Вот, пожалуйста, ордер на ваш арест. Ознакомьтесь.

Мих. Что это значит?!

Жора. Сидеть!

И-ч. Что вас не устраивает?

Мих. Что значит «отправить в длительную служебную командировку»? Это что, командировка?! Такая командировка, по-вашему?

Жора. Сидеть!

И-ч. *(рвёт бумагу и бросает обрывки в корзину под столом)* Я вам ордер предъявил, а если он вам не нравится – спрашивайте другой у своего проверяющего. У нас всё по закону, мы от закона ни на шаг. Часы снимите. Кольцо обручальное? Можете оставить. Снимите пиджак, брюки и туфли. Носки тоже. Сами снимете, или требуются убедительные меры? Не волнуйтесь, ничего с вашей одеждой и вещами не случится.

Будете от нас выходить – всё получите обратно. Когда это случится – зависит от того, как вы станете себя вести. Рекомендую вести себя хорошо. Вот, надевайте пока пижамку. Тапочки ваши. Обращайтесь с выданной одеждой бережно.

Жора. Мужик, усеки! Если бы кто-то хотел тебя убить, ты был бы уже мёртвый. И не волновался бы. Так что цени добро и не выёживайся. Всосал?

И-ч. Теперь познакомимся: я ваш смотритель. Смотритель – потому что смотрю за вами. Меня зовут Семён Иванович; можно просто Иванович, так короче. Все вопросы по быту, питанию, режиму пребывания – ко мне. Все вопросы по своему делу и прочие – к своему проверяющему. Имущество в камере вам не принадлежит, оно у вас во временном пользовании, поэтому попрошу его не портить. За порчу имущества будете платить по той цене, которую вам назначат. Если сами не сможете платить – ваши близкие заплатят. И это может обойтись очень дорого. Поэтому обращаться аккуратно. Ясно?

Мих. Извините, пожалуйста, но я бы хотел...

И-ч. Нет, не хотели бы! Дальше. Мои рекомендации обязательны к исполнению. Все распоряжения нашей службы безопасности обязательны к исполнению. Кто не исполняет – тот потом сильно страдает. Не рекомендую вам иметь какие-то лишние предметы, кроме тех, которые вам разрешены и оставлены в камере. В случае сомнения – спросите у меня. Мне не хотелось бы, чтобы вы были наказаны. Но если вы злостно нарушите режим содержания, наказать вас придётся, и наказать очень больно. Вы были в армии?

Мих. При чём тут?.. Да, был.

И-ч. Ну вот, вам должно быть ясно. Не хотите считать себя командированным – считайте мобилизованным. Я – ваш младший командир и непосредственный начальник. Вам придётся мне подчиняться, а выполнять то, что старшие начальники нам прикажут. Может быть, вы беспокоитесь насчёт близких или работы? Не беспокойтесь, вашим близким всё необходимое о вас сообщат. И на службе подменят. Сейчас не те времена, чтобы люди пропадали. Каждый должен делать то, к чему его призвали. А вы – в первую очередь. Встаньте!

Жора. Встать!

Мих. Вот, пожалуйста...

И-ч. Вам всё ясно?

Мих. Я могу протестовать?

И-ч. Нет, не можете. Если вы не сошли с ума, конечно. А если сошли с ума, то у вас будут такие условия, что я вам не завидую. Как писал великий русский поэт: «Не дай мне Бог сойти с ума! Нет, лучше посох и тюрьма». Мы добро вам советуем. Не волнуйтесь, так надо. Сами потом благодарить будете. А теперь повернитесь налево. Ваш номер пять. В камеру шагом марш!

Явление 2. Камера №5.

Жора. Встать! Поднялся быстро, кому говорю!

Мих. По какому праву? За что? Что я сделал? Зачем вы меня здесь держите?! Кто вы такой? Мне сказали, что вы ответите на все вопросы, а я даже не знаю, где мы находимся!

Лощ. Устаю я очень. Работы много. С тобой тоже. Не кипятись. Сядь! При входе проверяющего ты должен встать, но когда я говорю «садись», ты должен сесть.

Жора. Сесть! Быренько сел! Руки на стол положи!

Мих. Вот. Сижу. Но вопросы остались.

Жора. Заткнулся, придурок!

Лощ. Жора, я сам справлюсь. Если что, позову. Надеюсь, это не понадобится?

Жора. Лучше бы не понадобилось! (*выходит*)

Лощ. Успокойся. Я тебе отвечу, но лучше тебе не спрашивать. Просто слушай, что я тебе скажу, и делай то, что надо. И всё будет путём, никто тебя не обидит. Тебе нужна корочка? На!

Мих. (*читает*) Вощанов Игорь Олегович, министерство обороны. А при чём?..

Лощ. А, блин! Я же сказал: устаю я с вами. Вот (достаёт другое удостоверение из другого кармана).

Мих. Лощёнов Игорь Олегович, федеральная служба безопасности.

Лощ. Доволен? Теперь так: ты находишься в специальном учреждении а-эм девятьсот пятнадцать, кодовое название «отель». Для всех твоих знакомых и для семьи – ты в долгосрочной служебной командировке. И для тебя же хорошо, чтобы это так проходило. Мало ли какие случаи бывают с человеком в командировке. Подхватил лихорадку какую-нибудь редкую – и хоронят в закрытом гробу, потому что открыть нельзя. Чтоб лихорадка не полезла, хе-хе. Ты не должен бояться, ты должен чётко понимать ситуацию. От тебя требуется что? От тебя требуется понимание ситуации и честное сотрудничество. Подчёркиваю: честное. От всей души, как по присяге. Да, ты мне распишешься тут, что всё, что ты увидишь, услышишь, узнаешь или унюхаешь здесь, ты никогда и никому не расскажешь. Ни через пятьдесят лет, ни через сто.

Мих. Я ничего не подпишу.

Лощ. Ду-урак! Ой, какой дурак! Эта бумажка, что, мне нужна? Она тебе нужна. Чтобы ясно было, что ты свой, что ты, когда надо, молчать будешь, а говорить – только когда потребуется. Ты должен понимать: сейчас идёт война. Есть главный противник, есть его союзники. И против них стоим мы. А ты родился на нашей стороне. Ты в нашу школу ходил. Ты со мной по-русски разговариваешь. Тебя же не били?

Мих. Ну... А за что меня бить?

Лощ. Не за что, а почему. Чтобы вложить в тебя немножко понятия. Чтоб ты жизнь понимал, как она есть. За одного битого, знаешь, двух набитых дают. Вот тут недалеко дорогу строят, асфальт кладут. Ты же не хочешь лежать под этим асфальтом. Но если сильно попросишься, могу устроить. Бывает, пропал человек и пропал. Жена огорчится, конечно, но ненадолго... Ну, так подписываем, или как?

Мих. Да, хорошо. Где подписывать?

Лощ. На.

Мих. Где-то идёт война, о которой я не знаю? И вы хотите направить меня в тыл врага?

Лощ. Ха! Ничего ты, малый, пока не понял. Хотя стараться будешь. Не беда, поймёшь потихоньку. Ты уже там, в самом тылу и есть. Ты нам здесь нужен. Война ведь где идёт? Она везде идёт! Она по сердцу человеческому идёт. Она, бывает, семью делит – один за нас, другой за них. Но победим обязательно мы, иначе быть не может. Тебя почему выбрали: пишешь ты неплохо. Теперь научишься работать правильно. Сам (*понижает голос*) Сергей Николаевич сказал. Он лично тебя читал – цени! Ему даже понравилось. Сам распорядился: (*читает с листка*) «Едко, хлётко. Но неверно. Жаль парня.

Привлеките его к работе над юбилейным сборником». Вот поэтому ты здесь.

Мих. Как же так? Без всякой вины, без объяснений. А о каком материале он это сказал?

Лощ. Откуда ж я знаю? У меня своей работы немеряно. Мне приказано тебя привлечь – я и привлекаю. Это пожелание самого, понимаешь, личное пожелание. От такого не

отказываются. Не мог же он в тебе ошибиться. Потому что он – не ошибается. Так что и ты не подведи. Иначе сам догадаешься, что с тобой может быть.

Мих. То есть вы хотите, чтобы я что-то написал для вас, правильно? Здесь?

Лощ. Тебе что-то не нравится? Тебя не бьют, тебя кормят, с тобой пока вежливо разговаривают. За тобой смотрят, тебя проверяют, бельё меняют раз в неделю, прогулку дают. Какого тебе ещё банана нужно?! Компьютер тебе дадим, без Интернета, правда. Право на связь надо заслужить. Числишься ты в командировке, с начальником твоим, редактором этим лысым, всё согласовано. Зарплата твоя будет нормально через банк идти, жена сможет получать, ребёнка кормить. Карточка же твоя банковская у неё?

Мих. Да, у неё.

Лощ. Семья у тебя хорошая. Смотри, не огорчи их. Если что – им за тебя отвечать придётся.

Мих. И надолго это?

Лощ. А это как руководству нужно будет. Мне ты здесь конкретно не нужен, а что с тобой делать – командование решит. Будешь вести себя хорошо, тихо; сделаешь, что приказано; язык свой длинный засунешь в задницу – могут и домой отпустить. Из командировки. А могут и новое задание дать. Чтобы не расслаблялся.

Мих. А если у меня не получится? То есть если я всё сделаю, а вашему начальнику не понравится? Если он скажет, что мой текст не годится?

Лощ. А ты его до этого не доводи! Не доводи, Мишаня. Постарайся, чтобы всем, кому надо, всё понравилось. Ты же можешь, я знаю. Мне говорили понимающие люди: «Этот с любой работой справится». О тебе говорили, между прочим. Компьютер тебе дадут сегодня. В крайнем случае – завтра. Не всё у нас делается быстро. Материалы для работы подгоним. Сделай, например, два варианта. В разном ключе, так сказать. Если один не понравится, покажется другой.

Мих. Это подло и бессовестно – сперва арестовать человека, а потом требовать от него творческой работы! Да что они понимают, ваши начальники? В чём они разбираются вместе с вами?

Лощ. Вот не хотелось мне тебя наказывать, а придётся. Ну, сам виноват. Сегодня к тебе Жора зайдёт, и может, ещё пару пацанов возьмёт с собой. Они тебя немножко вежливости поучат. Пока ты десять раз не скажешь «Сделаю всё, что надо» и ещё десять «Игорь Олегович разбирается лучше меня». А если ты будешь себя вести с ними грубо, дело затянется. Им это только в радость. Вроде тренировки. Так что готовься. Смотри ты, какой наглый: квартиру тебе оставили, зарплату твою не забрали, семья твоя вся цела, тебя ещё не трогали. Так он права качает! Ну, покачай, покачай. Я позже проверю. *(Вынимает из кармана свисток и свистит. Входят Жора и Иванович.)* Пойдём, скажу, что с этим гавриком делать.

Жора. Ага. Мы ещё увидимся сегодня, пацан. Тебе не понравится, реально не понравится.

Явление 3. Коридор объекта.

И-а. Сеня, ты уже поел?

И-ч. Когда ж тут успеешь... Иди, покушай сама. Я потом бутерброд себе сделаю, с чайком попою. А вечером уже супцу навернём, твоего, не столовского.

И-а. Что, совсем есть не хочешь? Я тебе мяска-то принесла. Разве эти повара пожарят так, как я пожарю. Вот, свинина хорошая, не очень жирная. И с хреном, по-еврейски.

И-ч. Не сейчас, не сейчас. Сама поешь.

И-а. Мне нельзя. Я хочу похудеть в конце концов. И так уже юбка не налазит. И в дверь практически не вхожу.

И-ч. Неходишь, потому что не зовут. Понадобится если – в любую дверь пройдёшь, не удержишься. Ты и так шикарно выглядишь, нечего тебе худеть.

И-а. Нет, Сеня, я очень толстая. Просто ты хорошо ко мне относишься. И утешаешь поэтому. На самом деле я знаю, как выгляжу.

И-ч. Нет, я люблю тебя. А отношусь к тебе нормально, как ко всем людям. Если бы я к тебе по-настоящему хорошо относился, я бы для тебя луну с неба добыл. Одного дня ты бы у меня не работала. Стен бы этих не видела! А могу я так сделать? Нет, не могу. Вот и приходится нам вместе тут горбатиться. Пока силы есть – надо работать. Ничо, вот ещё пару лет, и с пенсией нам добавка выйдет.

И-а. Да отложи ты эти манатки чёртовы. Сядь поешь. Хватит колготиться.

И-ч. А ты?

И-а. Я уже кофе попила. Мне теперь до восьми часов ничего нельзя есть. Диета. И так яблоко съела, а оно очень калорийное.

И-ч. С чего ты взяла?

И-а. Так в интернете написано. Правда, яблоки полезные, и витамины, и всё такое. Но за калориями надо следить.

И-ч. Напрасно. За работой надо больше следить. Ладно, давай пообедаем (*придвигает к себе поднос, ест*). Очень вкусно.

И-а. Лицемерное ты существо! Ведь вкусно же? А делал вид, что не хочешь. Всё плохая жена, всё жена не такая. А я, наверное, лучше многих других!

И-ч. Да я и не спорю. И готовишь ты замечательно. Тебе бы свой ресторан открыть – народ бы валом валил.

И-а. А ты знаешь, почём сейчас продукты? А помещение снять? Потом придёт местный Жора какой-нибудь: а кому ты платишь, а почему с нами не согласовано? А потом такой Игорь, как к здешним, кафешным: три раза в день по десять порций полных относить, куда сказано; или не стоять вам тут в хорошем месте у дороги, а лежать тихо под ней. А деньги за это по безналичному, будто работяг с завода какого-то кормили, а завода этого давно уже в городе нет. И когда через банк переведут, а когда и забудут. И жалуйся, кому знаешь. Мне их начальница уж плакалась. Ведь восемь лет так работает, и из долгов выкрутиться не может. Должна теперь больше, чем когда дело начинала. А ты говоришь «ресторан». Вот сейчас тебя покормлю, и этими займусь. Из шестой не приходил ещё?

И-ч. Скоро должен быть. Обед не пропустит. Пятый, бедняга, скучает. Не обвыкся ещё.

И-а. Обвыкнется. Я тут маленькое нарушение сделала, а всё же ему повеселей стало.

И-ч. Что такое?

И-а. Да не пугайся. Разрешила ему после подъёма пол в коридоре помыть. Инвентарь весь сама дала. Уж как он старался, чуть языком не лизал. Дома, наверное, так пол не драил, как здесь. Жена бы его увидела – вот бы удивилась.

И-ч. Жены его здесь нет; вот другой кое-кто бы не увидел.

И-а. А кому какое дело? Он же на месте? На месте. Олегович вряд ли прискачет, у него и так, слышь, запарка. А Валяю всё равно.

И-ч. Неплохая мысль. Может, я для пятого разрешение помогать возьму. Такое же, как у третьего. И ему удовольствие, и нам польза. И в коридоре он будет словно к дому поближе.

И-а. Думаешь, он надолго?

И-ч. Мне не докладывали. Может, на неделю, а может и навсегда. Может домой поехать, а может и... в другую сторону. Первый вот скоро в другую сторону поедет.

И-а. А четвёртый?

И-ч. А четвёртый – пока нет. Зачем-то сохраняют его. Мучают, как того кабанчика, но держат. Или допёк он кого-то сильно, или на будущее пригодится. Маринуют зэка. Вот шашлык и выйдет. Спасибо, родная, всё очень вкусно было.

(Входит Шестой)

Шест. Добрый день. Шестой номер, пожалуйста.

И-ч. Да знаем, знаем. Прошу *(выдаёт ключ. Шестой уходит в камеру и запирает дверь изнутри)*.

И-а. Пойду обед раздам.

И-ч. Смотри: четвёртому – только жидкое. Пятому – сегодня выдача половинная, пока новенький; чтобы штаны держались, но на баб не тянуло. Всё равно не до еды ему пока. Остальные обычно.

И-а. Я тогда второй-то полуторную положу. Вот Дорка стерва – сколько ни съест, а всё фигуру держит. Не то, что я.

И-ч. Глупенькая, ты всё равно красивее её. И намного, по-моему. У ней, наверное, всё в глист идёт. Но судьбы её я не то что тебе, врагу не пожелаю. И ты из неё подругу не делай. Хоть она и давно у нас, а куда пойдёт – неясно. Вдруг её наверх вернут – тогда ты сразу хватай вещи и беги. Не простит они никогда, что Дорой была, без имени настоящего, без гостей, без любовников. Что из твоих рук баланду брала – никогда не забудет. И ты не забывай.

И-а. Я помню, помню.

Явление 4. Камера №5.

Трет. Т-с-с! Тише! Ради Бога, тихо. Не шумите! Не разбудите Ивановича. У него был трудный день. Вы проснулись?

Мих. А? Что такое?

Трет. Всё хорошо, всё в порядке. Никаких событий. Все спят. Это всего лишь я, ваш коллега и товарищ по несчастью. И даже, смею полагать, друг, хотя вы об этом пока ещё ничего не знаете. Но это ещё впереди, впереди.

Мих. С каждым проведённым здесь днём привыкаю ничему не удивляться. Как вы сюда вошли? Вас смотритель пустил?

Трет. В том-то и фокус, что нет. Не он. Он спит, знаете ли. Столько месяцев без всяких происшествий – ну, и расслабился человек немного. Это простительно. Нужно быть снисходительным к человеческим слабостям. Живи и давай жить другим. Это и мой девиз, и, наверное, девиз тех, кто повыше меня. Не будем его беспокоить, не будем. Давайте просто побеседуем, а потом я уйду. Пойду к себе. Я в третьей камерке обитаю, будем знакомы: Волков, Борис Леонидович.

Мих. Вильяшевич Михаил. Можно просто Миша.

Трет. И чудесно. Вы совсем проснулись? Вижу, вы уже полностью бодрствуете. Вы сразу можете спросить, дорогой Миша, откуда у меня появилась карточка для дверей, волшебный, можно сказать, ключик? Сразу отвечу: мне его дал ваш проверяющий, Игорь Олегович. Я – ваша наседка, а по совместительству ваш друг, путеводитель, скрытый

покровитель и немножечко ангел. Совсем немножечко, но всё-таки добрый ангел. Мне поручено чуточку скрасить ваши дни здесь, рассказать вам кое-что полезное, а заодно и отчитаться об вашем настроении и образе ваших мыслей. И о готовности исполнить поручение, возложенное на вас нашим покровителем. Нет-нет, для меня совершенно неважно, что именно вам поручили. Это только ваше дело, только между вами и поручителем. Но вы же не будете в обиде, если я доложу, что настроение у вас бодрое, лояльное, а к порученному делу вы готовы, только опасаетесь с ним не справиться.

Мих. Скажите, а если я сейчас подниму шум? Смотрителя позову?

Трет. Не делайте этого! Если вы начнёте шуметь, прибежит Иванович, отберёт у меня карточку и вернёт в камеру, а завтра меня немножко побьют. Меня не велено бить сильно. Я буду громко плакать и кричать: «Не надо! Не бейте старика!» Потом быки уйдут, и карточки у нас с вами больше не будет. А я в своё время отчитаюсь, что вы полны нигилизма и противоречия, что ненавидите всех проверяющих и смотрителей до седьмого колена, а своим покровителям готовите страшные гадости, только я не сумел ещё узнать – какие именно. Разве вам от этого станет лучше? Что вы от этого выиграете?

Мих. Но ситуация-то как раз необычная, внештатная. Смотритель о чём-то подобном предупреждал. А если вы меня проверяете?

Трет. Правильно, проверяю. И это полезно для вас. Обопритесь на здравый смысл. Если вы сейчас вдруг поднимете тревогу, мы не успеем с вами поговорить, да уже, вероятно, никогда и не поговорим больше; вы не узнаете от меня кое-что интересное, а ваше одиночное заключение так и останется в силе. Да ещё Игорь Олегович может и призадуматься: того ли человека он выбрал для исполнения важного дела? Не надо ли этого человека заменить? Кем-нибудь более сговорчивым, настроенным менее негативно?

Мих. Откуда вы знаете, что дело важное?

Трет. Было бы неважное – мы бы с вами здесь не встретились.

Мих. Видимо так. Хотя мне непонятно, почему им нужно было тащить меня сюда, чтобы в итоге дать поручение, за которое я свободно взялся бы и дома?

Трет. Не знаю, не знаю. Возможно, всё дело в вашем слове «свободно»? Не стоит недооценивать умственные способности наших покровителей. А вы, мой друг Миша, боюсь, несколько склонны их недооценивать. О нет, наши покровители мудры. Их мудрость – это гораздо больше, чем какой-то простой интеллигентский ум. Взойти к власти и удержаться на её высотах – разве может быть для интеллекта задача сложнее и увлекательнее? Они справились с нею, и справились блистательно! Там, на вершинах власти, они располагают информацией, вам недоступной, и от этого становятся ещё мудрее. Их распоряжения спускаются вниз, к нам, претерпев изменения в соответствии с более скудным разумом исполнителей, и когда достигают нас – остаётся только повиноваться. Исполнители не всегда понимают верховный замысел, но всегда действуют в его русле. Если вас привезли сюда, значит, так надо было.

Мих. А по-моему, они просто гады. И человеческая жизнь для них даже копейки не стоит.

Трет. Не спорю, не спорю. Всегда приятно пообщаться с интеллигентным человеком. Верно, чужая жизнь для них ничего не стоит. Но разве этим они погрестили против собственной мудрости? Ничуть! Заставить многих людей повиноваться себе в течение долгого времени – вот высшая мудрость. В этом и только в этом закон и пророки, как говорится в писании. Вот, к примеру, бычки наши... Да вы их видели!

Мих. Эти охранники? Камуфляжники? Сила есть – ума не надо?

Трет. Вот-вот. Жора, Большой Миша, тёзка ваш; или Валентин по прозвищу Валяй. Он как своё имя услышит – так и начинает лупить кулачищами по чему попало, отсюда и прозвище. Рефлекс. Как вы думаете, смог бы любой из них поколотить Ивановича?

Мих. Думаю, даже и убить смог бы. Голыми руками.

Трет. Ну, а говоря осторожно – я не говорил, вы не слышали – Игоря Олеговича? Смогли бы они справиться с Игорем Олеговичем, как вы полагаете?

Мих. С этим хлыщом? Любой в одиночку запросто.

Трет. Так-так. Ну, а если выше взять? Если до самых высот дойти? К примеру, в добрый час будь сказано, если самого... (*шёпотом*) Если самого Сергея Николаевича взять? Справятся с ним бычки?

Мих. Я его плохо знаю. Да и охрана у него есть, наверное. Но если один на один – справятся, думаю. Он же не спортсмен. Но к чему вы спрашиваете?

Трет. Вот именно! Они положат его на обе лопатки! А могут даже задушить в воздухе, как Геракл Антея. И тем не менее он отдаёт приказы им, а они его слушаются. Он даже не знает, что они есть на свете, как не знает, наверное, и о вашем существовании; он просто отдаёт приказы. Какой-нибудь прихвостень доводит их до Игоря Олеговича, тот командует бычкам – и пожалуйста, назавтра вы биты. И привезены сюда. И выполните то, что от вас требуется. В лучшем виде. Так склоните голову перед его великой мудростью, Миша! Человек, наделённый такой властью, просто не может быть глупцом. Он благоухает успехом!

Мих. Погодите-погодите. Вы передёргиваете. Ну, допустим, на вершине власти сидят мудрецы. Ладно, я их не знаю, спорить не стану. Но наши-то, здешние; те, кого я вижу здесь: Игорь этот, Иванович со своей Ивановной, другие дежурняки или бычки эти? Разве и на них распространяется это (*показывает руками*) ваше благоухание? Разве они мудрые?

Трет. Ну что вы? Они просто служат мудрости. А жизнь показывает, что они правильно нашли свою службу, а их точно для этой службы подобрали. И именно они пока руководят вашей жизнью. Их сплотил общий интерес: они черпают из одного источника, составляют единую иерархию, или, образно говоря, подпирают общую пирамиду. Хотите быть успешным – присоединяйтесь к ним. Если вдруг вы лично не понравитесь кому-то из них, а всем остальным ваша судьба будет безразличной – вы исчезнете, как будто не бывали. Но если вы нужны хотя бы кому-то из них, они будут вас терпеть, кормить, и даже дадут возможность заработать. Делайте то, что говорит вам Игорь, делайте старательно, но разумно – только то, что он требует, ничего лишнего. И поменьше добавляйте отсебятины. Я понятно объясняю, Миша?

Мих. Я с вами совершенно не согласен. Но объясняете вы довольно доходчиво.

Трет. И не надо, и совершенно не обязательно соглашаться. Тем более со мной. Я вас убеждал и вполне убедил. А если вы ещё не до конца убеждены – так подождите, жизнь вас убедит лучше всякого меня. Так я и отчитаюсь: настроение бодрое, уважает руководство, готов к исполнению...

Мих. Извините, Борис... э-э?

Трет. Борис Леонидович. Двойной тёзка поэта Пастернака. Для вас можно просто Борис.

Мих. Простите. Да. У меня множество вопросов, я ничего не понимаю. Смысла мудрости вот этой вашей – не понимаю. Вы сами – сколько здесь сидите?

Трет. Уже четвёртый год.

Мих. Вот блин! Без приговора, без суда?

Трет. Зачем же? В этом, с позволения сказать, отеле, есть, на мой взгляд, два состава: постоянный и переменный. Так вот я в постоянном составе. Но всякий состав может перемениться, даже постоянный. Я просто боюсь напоминать покровителям о себе. Они способны пожелать, чтобы я исчез – и на этом моя жизнь закончится. Они могут даже прогнать меня отсюда – а куда я пойду? Жены нет в живых, дети эмигрировали, у них уже свои семьи, сын в Австралии, дочь в Канаде, они меня знать не захотят. Квартиру мою бывшую взял Игорь Олегович, не знаю, кто живёт в ней теперь. Единственное, о чём я просил его: чтобы книги не растащили порознь. Как вы думаете, он послушался?

Мих. Вряд ли.

Трет. И я так полагаю. Но мне не о чём жалеть. Потому что я совершенно ни о чём жалеть не собираюсь. Не намерен, видите ли. На этом официальную часть нашей встречи полагаю законченной. Теперь будет повеселее. Скажите мне: вы женаты?

Мих. Это же есть в моём деле; могли бы вам и сообщить. Да, я женат, давно и прочно, у меня дочке двенадцать лет.

Трет. Не беспокойтесь, это уже не проверка, и ни в каком отчёте фигурировать не будет. Это я от себя спрашиваю. Видите ли, тут есть одно обстоятельство... Короче, мужчина вы ещё довольно видный, приличный и свежий; недавно с воли. А с нами сидит, как бы это лучше сказать, приличная женщина. Интеллигентная. То есть была интеллигентной. Ну, годика два здесь просидев, конечно, многое порастеряла, но ещё в порядке. Бугаёв наших она терпеть не может, на дух не переносит, да им и запрещено настрого. Иванович? – так только мигни он ей не по уставу, Ивановна ему все зенки выцарапает, на этот счёт у неё чутьё лучше собачьего. И я в этом вопросе уже не котируюсь. Из всех радостей жизни мне остались только еда, сон, прогулка и чтение – и этим, слава Богу, покровители меня обеспечили. Весьма умеренно, правда, но я не привередлив...

Мих. Скажите, мы находимся далеко от города?

Трет. Полагаю, что нет, недалеко. Вас же везли сюда, могли бы заметить.

Мих. Как? Через повязку?

Трет. А на что вам место? Хотите сбежать? Не советую. Во-первых, они могут вас в обыкновенную тюрьму перевести. Только не говорите мне, что вы ни в чём не виноваты, а то я потом смеяться буду. Я знал многих эков, гораздо менее виноватых, чем вы. Дадут вам срок лет в десять – и поедете строить народное хозяйство. Хотя теперь оно уже, вроде, и не всё народное. Но для вас как раз местечко найдётся. А что камера предварительного заключения у вас была какая-то особенная – так она же комфортнее обычной. Благодарить должны.

Мих. А во-вторых?

Трет. А во-вторых, ещё нужно суметь убежать. Даром, что ли, наши смотрители и бычки жалованье получают? Нет, погодите вы с побегом, не портите нервы ни себе, ни окружающим. Вот послушайте: эту даму зовут Дора. Я думаю, это имя только для наших мест. Но, откуда бы она ни взялась – теперь она здесь, и ей очень скучно. Мы с ней уже дружим, я иногда захожу к ней, вот как к вам, поболтать.

Мих. И отчёты потом пишете?

Трет. Что за вопрос? Конечно. Иногда. Когда Игорь Олегович требует. Раньше он её навещал, а теперь, стыдно сказать, просто покинул. И вот что я думаю: вы тут можете помочь. Я дам вам эту дверную карточку... Учтите, я сильно рискую; это практически несогласованно! Если кто-то узнает, будут крупные проблемы. Ну, я вам говорил. Но мы с вами рискнём. Жалко её. И вас тоже жалко. И меня, если подумать, тоже очень... Завтра

выспитесь хорошенько. А послезавтра, когда Иванович после проверки уйдёт, вот как сейчас, где-то за полночь проберитесь во вторую камеру; она третья от вашей по сей стороне. Дора будет вас ждать, я уже договорился. И две просьбы у меня к вам, только две. Чем бы ваша встреча не кончилась, как бы они ни проходила, не поднимайте шума. Это первое. И второе: карточку потом на прогулке во дворике положите под белый камень. Он там один, не ошибётесь. Меня поведут на прогулку после вас, это уже рассчитано. Вы, конечно, решите карточку не вернуть – так сразу скажу: это не имеет смысла. Вам нужны неприятности вдобавок к уже имеющимся? Нет?

Мих. Нет.

Трет. Ну вот, я так и предполагал. Ш-ш-ш! Тихо. Я ускользаю, моё время вышло. Идя к вам, я свою дверь на замок не запер. Заметит кто – непорядок, нарушение правил. А правила обязательны для всех. Знаете, друг мой Миша, я ведь вам немножко завидую... *(Открывает дверь, передаёт карточку Михаилу и ускользает).*

Мих. Позавидовала кошка собачьему житью!.. Дора, Дора... *(Напевает)* Дора-Дора-Дора! Дора-Дора-Дора! Дора-Дора-Дора-Дора-до!

Явление 5. Коридор и камера №2.

И-а. И чего тебе неймётся? Спала бы. Ночь уже, а ты тормозишься. Чего надо?

Дора. Вечерний перекур. Уснуть без него не смогу. Имею право, мне положено.

И-а. Тебе положено, что в котёл заложено. Ладно, ладно, перекурим. У нас научишься свободу любить. Тебе, Дора, можно. Три сигареты в день, проверяющий сказал.

Дора. Ему бы, гаду, так.

И-а. Да ты бы и совсем бросала. Здоровее будешь. Курить – здоровью вредить, об этом уже все знают. Кто не курит – дольше проживёт.

Дора. Это не важно. Совершенно не важно! При такой жизни... В общем – не важно. Я уснуть не смогу.

И-а. Горе моё... На, закури.

Дора. Огня.

И-а *(подставляет зажигалку).* Спать бы надо. Отбой был. Порядок обязателен для всех.

Дора. Не ворчи, Ивановна. Что, тишина в доверенном тебе склепе? Мёртвая тишина, могильная?

И-а. Зачем такое? Спят, потому что время. Сама знаешь, у нас приличное заведение. Здесь всё по правилам, по распорядку.

Дора. А умирать? Ведь самое главное – это умирать по правилам. Пристойно и чисто, без истерик и толчков.

И-а. Умирать без причины у нас не положено. Бывает, конечно, что кому-то и умереть придётся. В жизни не без этого. Но чтобы самовольно, без распоряжения начальства – нет, такое не годится. И с нас за это взыскивают. Не так, чтобы очень, но всё-таки неприятно. Не усмотрели. Ты уж поживи с нами немножко. Может, всё ещё наладится. Домой вернёшься. Тогда тебя будет – у-у! – рукой не достать.

Дора. Не верю я уже в это. Забыли меня. Самое обидное, что сын забыл. Ему скоро четырнадцать, почти три года уже я его не видела. Деточку мою. Сергей, конечно, гад и сволочь, муж мой бывший... Но чтобы ребёнка против меня настроить...

И-а. Да может, и не настраивал никто. А просто не велено ему с тобой видаться.

Понимаешь: не велено. Он же учится?

Дора. Да, должен учиться. Когда всё это случилось, он за границей в школе был. Закрытая школа, хорошая. Оксбриджский уровень. Тебе это, конечно, ни о чём не говорит.

И-а. Почему не говорит? Ясно всё. У кого суп жидкий, а у кого и жемчуг редкий. Чему твой ребёнок там научится? Свою родину любить? Они там почему хорошо живут?

Потому что мы тут кое-как пробавляемся. Вот пожилы бы они как мы, сразу бы поняли!

Дора. Что поняли бы, Ивановна?

И-а. Да уж что-нибудь поняли бы. Как надо ценить то, что есть, и на чужое не заглядываться. Как власть уважать. Вот ты не уважила – и теперь здесь сидишь.

Дора. Если бы мне шестнадцать лет назад сказали, что так будет... Когда мой муженёк на коленах просил моей руки. Когда его карьера только начиналась.

И-а. Когда карьера только начинается – человек кто? Пока никто. До самого верху долезть – ой, высокая дорога, долгая. И если долез, добрался, значит, он власть ценит и понимает. И свою собственную в том числе. Уважает и боится.

Дора. А если только боится?

И-а. Это всё равно. Боится – значит уважает. И чем выше его поставили, тем его решения правильнее. Потому что если неправильные решения принимаешь – зачем тогда место занимаешь? На такой высоте сомневаться можно в чём хошь, но только не в себе. Нельзя сомневаться в себе, враги сожрут. А ты усомнилась. И в ком, ты подумай только? Ведь какая величина! Была рядом – ну и вела бы себя тихо, как положено. Пусть делает, что хочет, всё одобряй. На такой высоте не ошибаются даже когда срут. А ты слово поперёк, другое поперёк...

Дора. Так подлость же, вранье же! Ложь и обман на каждом шагу. Неужели терпеть рядом того, кто людей в копейку не ставит, просто презирает?! Всех, всех, и меня особенно. Я же не предмет мебели: захотел – купил, надоела – выбросил.

И-а. Ох, Дора-Дора. Не была бы ты дура, не была бы и Дора. Мужики все такие. Для них делай, не делай, - всё одно не ценят. Природа у них такая. Лучше всего, пока они маленькие, лет до пяти. Тогда им мамка очень нужна. А потом – всё меньше и меньше. Так, по дому да по хозяйству. А их же на подвиги ведёт, на громкие победы. А в домашнем хозяйстве все победы невидимые.

Дора. Допустим, Ивановна, что ты права. Только очень горькая твоя правда. Получается, что мне может быть как угодно больно, а всем остальным это безразлично. Выходит, что человеку можно делать гадости, а потом окажется, что ничего этого просто не было. И если я не хотела заниматься только домашним хозяйством, не хотела вертеться, как муж прикажет, и глаза закрывать на всё, что мне не нравится – то меня надо было просто из жизни изъять. Выбросить, как старую мебель.

И-а. Мебель, Дора, не выбрасывать, а ремонтировать надо. Ну, докурила, теперь и спать пора. Не грусти, тётка. Живёшь ты гораздо лучше, чем многие и многие. Ну посмотри сама: пайка у тебя не урезанная. Раз? Ра-аз. Режим льготный, лампочку ночную в камере имеешь, не общий свет; салфеточки вон, книжки тебе носят, проверяющий твои просьбы уважает – это два? Два-а. Работать тебе не надо, морды сотрудников обрыдливые видеть, начальства над тобой, кроме досмотра нету, прогулка всем полчаса, тебе час – это три? Три-и. Обращаются с тобой хорошо, вежливо. Вот отбой полчаса как прошёл, а я с тобой тут чирикаю. А сунули бы тебя, по грехам твоим, в обычную тюрьму, да в общую камеру,

без салфеточек, с клопами да к воровайкам – ты бы не так свою жизнь понимала. Добрым бы словом вспомнила наше учреждение. У нас отличный порядок.

Дора. Зачем и самый лучший порядок, если при нём свободы нет?

И-а. Вот и видно, что дурная ещё. Людям дай свободу – и через год, много – через два режим будет покруче тюремного, а порядка и совсем не будет. Кто тебя кормит?

Думаешь, мы? Нет, порядок кормит. Кто тебя охраняет? Думаешь, мы? Нет, порядок тебя охраняет. Выйдешь когда-нибудь, даст Бог, так обиды на нас не держи. Порядок, он для всех обязателен. И тебе спать пора. Отбой!

Явление 6. Камера №5.

Мих. Здравствуйте, Игорь Олегович!

Лощ. И ты не хворай. Ну, обжился? Работаешь?

Мих. Да, спасибо. Составление общей концепции текста закончил, теперь пишу синопсисы для каждой главы. Только компьютер зависает иногда. Перезагружаться приходится.

Лощ. Давай, давай. Аппарат старенький, но ты его береги. Он ещё пригодится. И тебе, и другому кому. Работы всегда много, техники мало.

Мих. Игорь Олегович! Нельзя ли меня домой отпустить? Я бы всё то же самое делал бы, и даже ещё быстрее. Там всё-таки обстановка привычная. Семья у меня. Соскучились. Я же не виноват ни в чём. И другие работы смог бы для вас делать...

Лощ. Это ты врёшь. Быстрее не сделал бы, отвлекался бы всё время. Я таких людей, как ты, знаю. Тут условия для тебя самые подходящие. А серьёзно если: нельзя тебя отпустить, пока работа вся не готова. Ходил ты по воле, позволял себе наезды разные: на начальство, на власти, на порядки. Теперь сам порядку научишься. Больше ценить будешь. И дальше чтоб я таких просьб не слышал. Когда надо будет, тебя отвезут куда следует.

Мих. Спасибо, Игорь Олегович.

Лощ. И работай, работай. У меня по твоему поводу беседа была. Наверху. Желательно, чтобы ты написал о своём герое в таком смысле (*читает с листка*): «Всегда был на острие политики высшего руководства. Вот начинание – а оно у нас уже внедряется. Но без холуйского подбострастия. Взвешенно, но почтительно». Понял?

Мих. Надеюсь понять. А это указание – от кого оно?

Лощ. От кого надо! Есть в администрации умные люди. А ты работаешь подо мной, понял?

Мих. Конечно, конечно. Может, можно мне с этим руководителем поговорить?

Лощ. Ну ты совсем обнаглел! Ну, ва-аще! К тебе относятся как к человеку, а ты хочешь сесть на голову. Что тебе можно – тебе дадут, а чего не дали – то тебе и не нужно.

Мих. Извините, Игорь Олегович. Я совсем не хотел выглядеть наглым. Просто я подумал: задачу вы ставите творческую, непростую. Выполнить её нужно на отлично. Может, я чего-то недопонимаю. Может, потребуется дополнительная информация, так чтобы знать, в какой области её искать. Надеюсь, так сказать, обратиться к первоисточникам.

Лощ. В нашей области искать надо, в нашей! И ты уже всё нашёл, и тебя уже нашли. Материалы я приказал подобрать, мешок тебе принесут. Но не затягивай. У тебя есть неделя, максимум – две. Смотри: сделаешь как следует – расстанемся друзьями. А начнёшь выёживаться – тогда другой разговор. Ты должен не думать о себе много: я, там,

натура сложная, в искусстве разбираюсь, с балеринами знаком, как бы культурный университет прошёл. Ты должен в первую голову чувствовать: если тебя позвали, значит - ты нужен! Значит, твоё место сейчас здесь, за этим столом. Это твой боевой пост. Все лишние мысли в сторону, все силы на выполнение задания. Нужно набить много правильных слов в наилучшем порядке. А со словами ты работать умеешь. Базарить – не мешки таскать.

Мих. Замечательно излагаете, Игорь Олегович. Полностью согласен.

Лощ. А ну-ка посмотри на меня! Может, и не врёшь. Боишься – точно, но так и быть должно. Боишься – значит уважаешь. В деле посмотрим, чего ты стоишь. Кормят здесь тебя?

Мих. Да, большое спасибо. Вполне съедобно. Хотя и маловато.

Лощ. Булочку тебе в обед добавлю. Но не расслабляйся. И зла не держи, что пацаны поучили тебя маленько. Так надо было. Очень ты борзой был, вот борзота и сошла.

Мих. Гм... Игорь Олегович, мне тут одна шутка в голову пришла. Хотя в моём положении шутить неловко, но надеюсь, вы не рассердитесь. Вот: лучше быть борзым, чем легавым.

Лощ. Типа шутка. Да. Только вот как оно выходит: борзой человек по душе, а легавый – по документу. Наши легавые тоже борзыми были, а теперь всё; давно и хорошо усвоили, с кем борзеть не следует. Кто ситуацию понимает, тому много перспективы открывается. А кто в неё не въезжает – тот мешки таскает. Тоже шутка, а?

Мих. Ха-ха. Метко, и в рифму.

Лощ. Да, ты совсем спёкся. Душа мотается, как телячий хвост. Посмотрим, на что ты такой печёный сгодишься. Работай, материал тебе скоро забросят. И помни: я жду результат.

Явление 7. Коридор и камера №4.

И-а. Ну что, не раздумался нам помогать?

Мих. С удовольствием. А что надо делать?

И-а. Пойдём со мной, покажу. Камеру одну подправить надо. Прибраться, распеленать, покормить.

Мих. Отлично, пойдёмте. Только я давно уже не обращался с младенцами...

И-а. Какими младенцами? У нас младенцев не бывает. Хотя все вы не лучше младенцев. Так что с человеком не разговаривать! Как будто ты немой. Ни гу-гу. Бери вот под руку таз, не пролей, и вот этот мешок. А я это понесу.

(Михаил берёт мешок и таз, Ивановна - поднос с миской и ложкой. Оба входят в камеру №4.)

И-а. Вот, голубчик, покормим тебе сейчас, переоденем, и будешь ты снова лежать, как лялечка. Только не плевать и не кусаться. Жорик и Валяй сегодня на пару дежурят, злющие.

Четв. Попить дай, Ивановна.

И-а. Сейчас дам, сейчас. Вот, попей себе на здоровье. Тише, тише, не поперхнись. От так, от так... Руки затекли совсем?

Четв. Не чувствую их. Совсем не чувствую.

И-а. Ну, развяжем тебя. Только, опять же, ты понял, голову от меня подальше держи. А это Мишенька, он мне помогает сегодня. По хозяйству и вообще. Миша, там узел сбоку, распутай его, чёрта.

Мих. Сейчас...

Четв. Подлец! Продажная гадина! Мать твою!..

И-а. Завёлся опять. Ну чего ты бесишься? Охолони немножко. Столько лежал – ничему не выучился. Или не хочешь, чтоб развязали?

Четв. Развязывайте.

И-а. Ну вот. Миша, теперь за плечи его бери и сажай. Сзади подопри, сзади. Во, правильно, хорошо.

Мих. Тут... Запах есть.

И-ч. Ну а как ты думал? Обделался человек. Сутки пролежишь – с тобой не то ещё будет. Для того мы с тобою и тут: переоденем, переменим, грязное в стирку снесём. Только мёртвые не гадят, это ты себе понимай. Чтоб не помер раньше времени, и кормить иногда надо, и разминку давать. Там сзади, на спине его вязочки такие есть, и замочек – распускай их, замочек открывай. Сверху вниз. Так, так, а я отсюда возьму (*снимают с Чет. смиренную рубаху*).

Мих. Такая необычная конструкция.

Четв. Разве не ты её конструировал?

И-ч. Да что ты не уймёшься никак! Давай-ка его на ноги поставим. Ловко. Теперь бери, Миша, его за кальсоны со спины сверху и вниз тащи, да заворачивай их впополам, заворачивай. Вот, всё сошло. Кидай их в мешок. На-ка, мокрой тряпкой его сзади оботри. Давай, в таз её кидай. Счас новую майку наденем, новые кальсончики – и будешь молодец как солёный огурец. Клади его, Миша, обратно на койку. Теперь только пайку ему суповую выдадим, и готово дело.

Четв. Рук. Не чувствую.

И-ч. Миша, разотри ему руки. Полегоньку только. Снизу вверх, сперва пальцы, потом кисти, потом и до плеча.

Четв. А-а! Больно!

Мих. Простите.

Четв. Никогда! Пусть убьют – не прощу тебя. Всех вас не прощу, фашисты проклятые.

И-а. Человек тебе добро делает, а ты лаешься. Ну какие мы фашисты? Фашистов побили всех давно, коммунистов разогнали. Мы теперь просто обслуживающий персонал при учреждении. Тебя вот лечим. Вон, довёл себя, ложку сам взять не можешь.

Четв. Меня довели! Ваши костоломы кого хошь доведут. Я здесь за правду, а правды никто не любит. Кому вы служите? Гаду! Бандиту! Сверху донизу прогнило всё; вор на воре. В зарплату сожмите свои денежки в кулаке – из них людская кровь потечёт!

Мих. А вы полагаете, что знаете правду?

И-а. Миша! Я что говорила?!

Четв. Да, знаю правду! И ты её знаешь. О-ох, как иголками колет. Правда – вот она, у тебя под носом. Посмотри, что со мной сделали. Посмотри, за что попали сюда те, кого ты сторожишь!

Мих. Я не сторожу. Я тоже сижу.

Четв. А-га! Коллега, значит? Как же ты правды не знаешь, если тебя в неё рылом тычут? Если ты сам мирно ходил по одной земле с этими подонками, с этими гадами, одним воздухом с ними дышал – значит, и ты такой же! Администрация называется! Да в самом

этом слове – уже ад! Черти с вилами. Ведь главное, за что они дерутся – как бы у власти удержаться. Они же внутри себя рабы: в одну сторону повелевают, в другую – подчиняются, прогибаются. И чем сильнее прогибаются, тем сильнее повелевать тянет!..

И-а. Ну-ну, разболтался. Возьми, Миша, ложку, покорми его. Оставь его руки, отойдут, не впервые. Покорми, а он, бедолага, помолчит. Обдристанный, а всё учить пытается.

Потому ты, сиротка, здесь и оказался, что поперёк линии лезешь. У каждого своя линия есть. Кому командовать, кому убирать, кому и в телевизоре выступать. Из всех этих линий и общая линия всего народа рождается. Как верёвка из ниточек. А ты против линии пошёл, торчишь, как та заноза, и колешься. Вот тебя и срезали.

Четв. Кха-хха... Вот тебе глас народа. Несть власти, аще не от Бога. Только верёвочка-то всенародная не из ниточек свита, а из песка сваяна. Пока за плечами воров стоят костоломы с дубинками – держится режим. А если разбегутся? Выйдут тогда свободные люди на улицы, и, пожалуй, начальство своё на столбе подвешат или на тряпки порвут. А?! Видали верёвку, которая сама себя порвёт!

И-а. Я пока видала здесь человека, который сам себе добра не хочет. Кормят тебя с ложечки, моют, а ты всё заедаешься. Что, думаешь, если на улицы весь народ вывалит – лучше станет? Начальники большие, пожалуй, и за границу смотаются, а мы с тобой тут останемся. Тебя первого и порвут. Как ты им про воров орать станешь, так и порвут.

Потому что на улицы чего они попрутся? А воровать, ухватить на халяву, что плохо лежит. Не спорил бы с проверяющим – сам бы и кушал, и прогулку бы имел. Всё, Миша?

Мих. Сейчас-сейчас, Ивановна. Уже заканчиваем.

И-а. Сворачиваемся. На, оботри ему морду. Как руки, полегчало?

Четв. Немного.

И-а. Ну, до ночи отпустит. Смотри, веди себя тихо. И с начальством не бунтуй. Пожалей хоть себя, если нас не жалко. А то ты раскипятишься, а мне за это помощника с собой брать приходится. А рубашку эту, Миша, придумал один фельдшер у нас в психиатрии. Вернее, такая смирилка давно была, он её как бы усовершенствовал. Забирай это, Миша, и посуду забирай - пойдём отсюда. Тихо, смотри, лежи.

Явление 8. Камера №2.

Мих. Тише! Здравствуйте. Я – Миша, мне Борис сказал....

Дора. Да, да. Осторожнее, проходите сюда. У меня есть ночник, сейчас.

Мих. Ух ты! У вас уютно, почти как дома. Я помешал?

Дора. Нет, вы помогли... Или помешали, что с того...

Мих. Не хотел вас потревожить...

Дора. Вам не кажется, что это звучит оскорбительно? Я вас пригласила, а вы «не хотите меня потревожить». Меня больше тревожат как раз те, кто не приходит.

Мих. Извините, извините...

Дора. Ну вот, присаживайтесь. Не говорите ничего, не надо. У нас есть три часа. Эта неделя хорошая, до четырёх утра надзора в этом коридоре не будет.

Мих. А почему нельзя говорить? Хотя бы шёпотом?

Дора. Нет, говорить-то можно. Если не кричать, то вполне можно. Просто я боюсь, что вы наговорите глупостей. И всё моё романтическое настроение испарится. Я вам не прощу, если окажетесь дураком и будете вести себя по-дурачки.

Мих. Что же мне делать? Был бы я умным, наверное, не оказался бы здесь. И мы бы не встретились.

Дора. Что ж, это неглупо. Спасибо. Значит, мы примерно одинаковой глупости. Это утешение, хотя и слабое. У вас – обручальное кольцо. Вы очень любите свою жену?

Мих. Да. Нет. То есть нормально. Кольцо мне разрешили оставить, его снимать трудно. Оно везучее. Я понял: если снимать не стали, значит, и убивать не собираются. С мёртвого же снять труднее. Успокоился немножко. А жена, что жена?

Дора. Что Москва, далеко Москва...

Мих. Простите?..

Дора. Это пьеса такая была, у Чехова.

Мих. Да. Я знаю. «Три сестры».

Дора. Ого! Современная молодёжь информирована о классическом репертуаре. Это радует.

Мих. Спасибо. Особенно за молодёжь. Моей дочке уже двенадцать лет.

Дора. Моему сыну – четырнадцать. Вы очень скучаете по ним?

Мих. Да. То есть нет. Скучаю, но я так рад, что с ними из-за меня ничего плохого не случилось. Понимаете, я читал, что раньше, в прошлом веке, арестовывали всю семью, а потом рассылали в разные места, и они никогда уже больше не виделись. И без всякой вины. Говорили, что теперь такое невозможно. Оказалось, возможно. Только бы семью не трогали. Мне казалось, что сам я ничего такого не натворил, чтобы меня здесь запереть. А теперь я понимаю: жил неправильно. Всё делал неправильно. И если я выйду отсюда, я всё исправлю. Я буду жить по-другому.

Дора. Не лгите хотя бы самому себе. Новую жизнь нельзя начать до окончания старой. Жить вы будете так же, как жили, поверьте моему опыту. Но, может быть, станете немножко мудрее. Это будет вам к лицу. Кто вы по профессии?

Мих. Журналист. То есть был журналистом. Вообще-то я биолог, университет окончил. Но в школе работать не хотел, вот и устроился в газету.

Дора. И где же вы служили? В нашей краевой «Правде»?

Мих. Нет, в «Вестнике».

Дора. А-а. Видела когда-то. Так называемая жёлтая пресса.

Мих. Спасибо и за это. Кому-то нужно служить и там.

Дора. Верно, верно. Кому-то служить там, кому-то и здесь. Всем приходится служить. И вы довольны?

Мих. Из-за этого я и здесь оказался.

Дора. Что, наверно не понравились ваши критические статьи?

Мих. Нет. Как раз понравились. Вдруг почему-то понравились. Теперь приходится работать в камере.

Дора. Бедненький! Действительно, правду говорили: минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь.

Мих. А вы филолог?

Дора. Это чувствуется?

Мих. Да. То есть нет. Не обязательно. Но мне показалось...

Дора. Да, вы угадали. Мы практически коллеги. Была литературоведом. В прошлой жизни.

Мих. Жизнь ещё не закончилась, как вы сказали.

Дора. И это почти верно. Скажите, вам нравятся мои руки?

Мих. Да...

Дора. То есть нет?

Мих. Нет, да! Нравятся.

Дора. А мои ноги?

Мих. Очень! Вы вообще мне нравитесь. Вы красивая. И умная.

Дора. Ну, женский ум – это не самое привлекательное качество. Никогда не видела мужчину, который бы оценивал женщину не по внешности, а по уму.

Мих. Значит, не тех мужчин видели. Внешность со временем становится привычной...

Дора. А ум – нет?

Мих. Я не это хотел сказать. Я хотел сказать, что вы красивая и умная. Я не мастер говорить. В смысле, что пишу гораздо красноречивее, чем говорю. И не знаю, смогу ли я вам понравиться.

Дора. А вы хотели бы?

Мих. Да, сильно. Милая Дора! Понимаю, в этом клоунском костюмчике, в этих условиях что я для вас такое? Недоразумение, случайный человек, минутный попутчик. Мне страшно не повезло: я оказался здесь, без вины, без приговора, без срока, с одной надеждой – потом всё забыть. И вдруг мне сегодня удивительно повезло: мы встретились. Спасибо Борису, и вам, и этой двери, и этим стенам. Да-да, и этим стенам тоже: они держат вас возле меня. И если я смогу хоть сколько-нибудь вас развлечь, если я в силах хоть немного скрасить этот вечер для вас, я буду совершенно счастлив. Хотя бы на эту ночь.

Дора. Да, недурно. Давно мне не говорили ничего приятного и при этом напоминающего правду. Только что ж мы так официально, на вы? Давай по-дружески, на ты. Да, Миша?

Мих. Да, Дора.

Дора. Тебя не удивляет это странное имя?

Мих. Нет. То есть немножко. Но это же, наверное, твои родители выбрали?

Дора. Нет, не родители. Это не моё имя, но ты называй меня так. Только так. Мне сказали, что если меня здесь назовут моим настоящим именем, я скоро умру. Они убьют меня. А эти гады держат свои самые подлые обещания. Поэтому называй меня Дорой.

Мих. Что ж, у нас прекрасные имена, музыкальные. Ты (*тихонько поёт*) До-о, а я (*тихонько поёт*) Ми-и. Вот так: до-о, ми-и, ми-ми-ми, до-до-о.

Д (*смеясь*). Милый мальчик, вот ты меня и развеселил. Значит, и имя тебе нравится?

Мих. Имя тоже. Но вся ты – гораздо больше!

Дора. Хорошо. А моя грудь тебе нравится?

Мих. Очень, очень нравится.

Дора. А шея?

Мих. Да, да! И шея, и твои губы, и руки, и коленки. Ты прекрасна!

Дора. Ну, ну, не суетись, не пыхти так, дурачок. Сними свою курточку. Вот так. Мне нравится, какой ты горячий. Ты нежный, это хорошо.

Мих. Дора! Дора!

Дора. погоди секунду, я погашу свет.

(*Через несколько секунд*)

Мих. А-а! А-ах.

Дора. Ну вот и всё, маленький, вот и всё. Всё хорошо, всё в порядке. Что ты, что?

Мих. Нет! А ты? Как же ты?..

Дора. Всё нормально. Мне хорошо. Правда. Всё было чудесно. Я даже сама от себя не ожидала. А ты что, хотел бы, чтобы я заорала на всю тюрьму, глупенький? В этих условиях? Тут, чтобы меня раскатать, понадобится дня четыре. И бутылка виски. У вынужденной трезвости есть свои преимущества.

Мих. Как быстро это закончилось! Почему счастье заканчивается так быстро?

Дора. Ты спроси лучше, почему оно вообще случается.

Мих. Я спрошу... Нет, я знаю, почему бывает счастье: потому что есть ты! И я вытащу тебя отсюда! Даже если мне придётся всех их перебить. Даже если они убьют меня, ты выйдешь отсюда.

Дора. Никого не надо убивать, малыш. И ты никого не убьёшь, и тебя, скорее всего, в живых оставят. Ты вернёшься домой и забудешь это всё, как и мечтал. А теперь сматывайся поскорее, пока нас не застукали.

Мих. Подожди. Ещё минуточку. Пожалуйста. Знаешь, у меня есть лезвие. Я спрятал его в камере. И две иголки есть. И я смогу поднять здесь бунт. Мы сговоримся со всеми, кого здесь мучают, и вырвемся отсюда, обязательно вырвемся. Мы просто сбежим.

Дора. Может быть. А может быть, и нет.

Мих. Ты мне не веришь?

Дора. Почему же, верю. Такое случалось, сбегали люди. В мировой литературе тысячи случаев описаны, от графа Монте-Кристо до героев Солженицына. Убежать-то можно, только куда ты побежишь? Домой? Там ты уже был, там тебя и искать будут. Если снова понадобишься.

Мих. Но я не соглашусь с ними, никогда не соглашусь. Обязательно найду выход, найду!

Дора. Конечно. Но не сегодня. А сейчас ты должен убираться. Для общего спокойствия.

Мих. Да, извини. Прости меня, что так получилось. Вернее, не получилось. Если ещё когда-нибудь... Будет лучше, я тебе обещаю.

Дора. Не давай опрометчивых обетов, вдруг их придётся выполнять. И не грусти так: пошутила я. Может и неудачно пошутила.

Мих. Иду. Можно поцеловать тебя на прощанье?

Дора. Отчего же, пожалуйста. Поцелуй... Один, холодный, мирный...

Мих. Ты обиделась? А, знаю, это цитата! Это из Пушкина?

Дора. Да, мальчик, из Пушкина. Ну, иди.

Явление 9. Коридор. Прогулочный дворик.

И-ч. На прогулку пойдёшь?

Мих. А? Что?

И-ч. Не спи, замёрзнешь! Шучу. Прогулка тебе разрешена. Но не обязательна. Будешь идти, нет?

Мих. Да, да, конечно.

И-ч. Куда босиком?! Шлёпки надень. Порядок, он, знаешь...

Мих. Да, обязателен для всех.

И-ч. Вот. Не грубил бы проверяющему, был бы здоровее. Наперёд наука. Иди. Налево. Ещё раз налево. Прямо. Вот. В прогулочном дворе не кричать, охранную сетку не рвать, на стены не прыгать, на землю не ложиться, с земли ничего не поднимать, предметов не

передавать и не брать ни от кого. Безопасность за тобой смотрит. А разговаривать можно сколько хочешь, но негромко. Пошёл.

(Мих. входит в прогулочный дворик. Там сидит Пер. в инвалидном кресле)

Перв. Здравствуйте!

Мих. Здравствуйте! Вам нехорошо?

Перв. Нет-нет, только никого не зовите. Мне ничего не нужно. Всем доволен. Как странно: у них нашёлся только совсем молодой человек. Лучше чем ничего...

Мих. Я ничего не понимаю. Я вас не понимаю. Уже пятый день я ничего не могу сообразить. Мои, наверное, с ума сходят. Им сказали, что я в командировке, но разве такие командировки бывают? У жены сегодня программа на радио. Представляю себе, в каком она состоянии. Мама, наверное, уже сорок раз позвонила. Представляю, что Жанка ей наговорила без меня! Дочке я обещал экскурсию на раскопки... Вы знаете, где мы находимся?

Перв. Как же, знаю.

Мих. Ну! Где?! Вам трудно говорить? Вы очень плохо выглядите.

Перв. Спасибо на добром слове. А вы не так уж молоды, как это кажется. Мы в спецотеле имени губернатора, объект а-эм девятьсот пятнадцать.

Мих. Это я знаю. Но где он находится, где?

Перв. Здесь. Вот здесь и находится. Извините, почтового адреса не знаю. Но мне он и не нужен. А вам? Вы собираетесь получать корреспонденцию?

Мих. Как вы можете здесь шутить? Вы еле дышите - и шутите?

Перв. А что мне ещё остаётся? Знаете, украинцы говорят «нэ потишывся б – то повисывся б». Смерти я не боюсь, она давно рядом. Вот вы, например, её надёжный вестник.

Мих. Что вы?! Они обещали меня убить неизвестно за что, а вы боитесь меня...

Перв. Юноша, вы не поняли. Я не боюсь вас. Но я просил, когда подойдёт моё время, дать мне хотя бы возможность поговорить с культурным человеком. И вот появились вы. Я ожидал кого-нибудь посерьёзнее. Они здесь, знаете ли, пользуются ветеринарным стрихнином – это довольно мучительная смерть. Я просил снотворных. И перед этим хотя бы какие-то возможности для человеческого общения. И тут приходите вы... Как вас зовут?

Мих. Михаил.

Перв. Володя. Мама в детстве звала Лёдиком. Наверное, из-за холодности. Теперь жалею. Всё, что у нас есть, когда деньги заканчиваются – это близкие люди. И ещё честь. Вы знаете, что такое честь?

Мих. Догадываюсь.

Перв. Значит, точно не знаете. Ничего, ничего. Лихо до дна, а там дорога одна. Наверное, я сам виноват. Не хотел отдать то, что строил годами. Всё производство, все филиалы. Можно было всё бросить, переписать на его подручных, поклониться и уйти. Уехать подальше отсюда, забыть большую часть жизни как кошмар, сменить профессию, начать всё сначала. Нет, я решил бороться. Видите – проиграл. Теперь эта гнида Игорёк уверяет меня, что так мне даже лучше: не ждать киллеров в подъезде, не тратиться на охрану. Но, может, они там, наверху, решат оставить меня в живых. Тогда я буду для него работать. А если нет... Жене сообщат: скончался скоропостижно. С похоронами он поможет. Обещал не оставить детей без помощи. Да что там, он сирот призывает, так и моих детей не

забудет. Платное отделение в вузе дочке обеспечено; сына пошлёт на курсы. В охрану его, правда, не возьмёт – отец был ненадёжен. Я его понимаю, я бы на его месте тоже не взял.

Мих. О ком вы говорите?

Перв. А разве вы его не знаете? О Сергее Николаевиче, благодетеле региона. Наш всенародно признанный руководитель. Знаете, чего он добился? У него практически не осталось врагов! Противники есть, а враги – вот, на меня посмотрите. Утешительный вид, правда? И всего за пять месяцев. А что ему потребовалось отнять у вас?

Мих. У меня ничего нет. Только способности.

Перв. Тогда вы далеко пойдёте. Даже отсюда выберетесь, если повезёт немножко. Вас уже били?

Мих. Да.

Перв. Это плохо. Не подавайте им повода. Они могут случайно искалечить, а потом устранить, потому что такого выпустить нельзя. Наверное, человек – универсальная скотинка, ко всему привыкает. Но здесь, в тюрьме... Сидишь и ждёшь завтрашнего дня. Знаешь, что на завтра тебя назначено бить. Вот и ждёшь. На часы смотрел бы, так часов у меня нету. Так, воображением время отмеряешь: ещё не завтра, ещё не завтра. Но потом всё равно когда-нибудь наступает это самое завтра. С утра уже морально готовишься. Проснулся – и готовишься. Нет, пока всё тихо. Потом – звуки. Слышишь, идут по коридору. Весёлые, довольные, сытые. Идут к тебе. Бить. Больно бить. Им так велели. Ну, когда побьют, даже облегчение почувствуешь: всё, до следующего раза кончено. Пока кончено. Бить больше не будут. Сегодня не будут. Перерыв, шабаш. Все кости болят, лежать больно, повернуться не могу, сесть тяжело – а всё-таки радуешься. Кончено на сегодня. Ещё не изувечили. Телу больно, а душа радуется. Постыдна такая радость – да что ж, если другой не осталось. И всего-то им нужно: право собственности и схемы финансовых потоков. Господи, какие мелочи. Я всё отдал, всё. Осталась только жизнь. Вещь недорогая.

Мих. Неужели им никто не отомстит? И всё это сойдёт им с рук? И те, кто убивает вас, доживут до старости и умрут в собственной постели?

Перв. Не беспокойтесь. Они ещё посмертно ордена получают. Но мстить не нужно. Не смейте мстить – иначе вы станете таким же, как они. Вы по специальности кто?

Мих. Журналист я. Хотя окончил биологический. Вернее, я был журналистом.

Перв. Ещё будете. И долго будете, поверьте покойнику. А я химик. В химии не бывает мести, бывает только реакция. Главное – не давайте им личного повода разозлиться на вас. Что ж, спасибо за краткую беседу.

И-ч. (*входя вместе с Жора.*). Прогулка окончена!

Явление 10. Камера №5. Коридор. Прогулочный дворик.

И-ч. Рота, подъём, тревога! Шучу. Вставай, радость у тебя. Игоря Олеговича благодари!

Мих. Что? Уже всё?! Я свободен?!

И-ч. Будешь свободен, когда выпустят. Покамест занят. Ты домой хотел, так спасибо скажи: твой дом сам к тебе пришёл. Свидание тебе разрешено. Не упомню, когда последний раз и разрешали здесь. В прошлом году, кажется. Так что цени, мальй. Видно, чем-то ты Игорю Олеговичу приглянулся. Душевно к тебе относится. Привезёт жену твою. Сам привезёт. Видишь, как заботится. Тебя переодеть придётся по-военному. Вот, камуфляж надевай. И тапочки эти, парадные. Шлёпки-то оставь, под койку их засунь.

Мих. Как же? Зачем её в тюрьму? Ей сказали, за что меня посадили? Она знает, почему я здесь сижу?

И-ч. В какую тюрьму? Говори, да не заговаривайся. Ты находишься в специальном учебном центре, закрытом, понятно. Особой секретности. Чтобы ты лишнего не ляпнул, Жора с тобой побудет. Так и скажешь ей: это мой лучший друг Георгий. Он помолчит, послушает. Она поймёт. Говорить можно только о семейных делах, ну и о личном, понятно. Об остальном – не следует. О режиме содержания, о питании, о своих задачах здесь – ни слова. При нарушении свидание будет прервано, а к тебе применены воспитательные меры. Понятно?

Мих. Она ни в чём не виновата. Она ничего не знает. За что же её сюда?

И-ч. Дурной ты совсем. Только на свидание. Полчаса – и свободна. Это ты у нас задержался, а твоя нам зачем? Команды не было. Пусть детей кормит. Я забыл, у тебя трое?

Мих. Да. То есть нет, пока один. Одна. Дочка.

И-ч. Маловато. Надо было, пока на воле ходил, настругать больше. Было бы, кому дома ждать. Ну, оделся?

Мих. Да, вот. Великоват комбинезон.

И-ч. Сойдёт. Когда-нибудь откормишься – в самый раз будет. Ну, пойдём. Налево. Ещё налево. Прямо. Стой. Тут подождём, пока Игорь Олегович подъедет. И Жора сейчас подойдёт. Волнуешься?

Мих. Нет.

И-ч. Врешь, волнуешься. Я потому и смотритель, что за тобой смотрю. Что такое наша жизнь? Временное заселение, вроде гостиницы. А на самом-то деле – тюрьма бесконвойная. Вроде нашей. Так что у нас всё по самому жизненному образцу устроено, не сомневайся.

(Входит Жора.)

Жора. Не опоздал? Слышь, говорить только так: центр наш секретный космический разведывательный электронно-ракетный, кормят отлично, занятий много, времени свободного ни минуты, но очень интересно. Рассказывать не имею права, подписку дал. Когда отпустят – неизвестно. Это мой лучший здесь друг Жора, он с нами посидит, так надо, правила у нас такие. Ну и о своём личном можно. О детях там, или как сильно скучаешь.

И-ч. Георгий.

Жора. Чего?

И-ч. Друг не Жора, а Георгий. Без панибратства.

Жора. Да, ты понял? Друг Георгий. И без панибратства. И не дай тебе божок, чтобы я голос повысил или команду тебе подал. Тогда плохо тебе будет. И жену пожалей. Она у тебя молодая?

И-ч. Сейчас увидишь.

Жора. Да. Я больше молодых люблю. Старых – нет, не люблю.

(Входит Лощёнов.)

Лощ. Ну, инструкции дали?

И-ч. Так точно.

Лощ. Надеюсь, тебе, Михаил, всё понятно. Сейчас твою Жанночку запущу. Если вопросы ко мне есть, спроси лучше здесь, не тяни. Если вздумаеть чего – лучше не надо.

Спокойно поговорили и разошлись. И ей понятно, что жив ты, искать не нужно; и тебя обнадёжили, что она от тебя не сбежала. Пока. Готовы все? Ну, присядьте.

(Михаил и Жора садятся на скамейку. Лощёнов и Иванович уходят. Впархивает Жанна.)

Жанна. Ой, Мишка! Какой ты небритый! Ты похудел, но тебе идёт. Хорошо смотришься в военном.

Мих. Здравствуй, малыш! Ты не представляешь, как я соскучился. Ужасно соскучился. Просто смертельно соскучился. Это мой лучший друг Георгий. Он с нами посидит. Здесь такие правила.

Жанна. Я понимаю. Ты теперь страшно важный и страшно секретный. Такой конкурс прошёл. Мне Игорь Олегович всё рассказал. Ты такой молодец. Хорошо тебе тут? И у тебя замечательный начальник. Только скажи: ты теперь не радиоактивный?

Мих. Я? Нет! Не бойся. Я просто...

Жора. Жанночка, мы что, похожи на радиацию?

Жанна. Ой, ну что вы, я так спросила. У нас передача шла как раз об этом, об экологии. Говорят, ситуация ухудшается. Но она уже лет сорок как ухудшается. За ребёнка страшно. А если у нас ещё дети будут?

Жора. Ему можно. Только не сейчас.

Мих. Жанна, ну что за глупости. Мне надо тебе очень многое объяснить...

Жанна. Мама звонила всего шесть раз. У неё кафель в ванной отвалился, а приклеить обратно некому. Вот закончишь ты эту командировку, и сделаешь. И надо будет дачу купить. Домом пора заняться, ты этого никогда не помнишь. Вот Фишкины купили домик за городом, в Алексеевке, там огород есть, сад небольшой, смородина, крыжовник, клубника своя. И Ирочке было бы, где гулять.

Мих. Дом... Кафель... Конечно. Ирочке очень надо, да. Ну, как вы живёте без меня?

Жанна. Плоховато. А когда мы хорошо жили? Ты всё время то работаешь, то ищешь какой-то правды. А находишь приключения на свою... голову. Да что там! Мы же понимаем: сначала дела государственные, а уже потом всё личное, семейное, как бы мелкое. Но ты не думай, мы с Иркочкой самостоятельные. Можешь быть абсолютно спокойным: без помощи мы не останемся.

Мих. Это в каком смысле?

Жанна. В самом хорошем. На радио мне обещали ещё полчаса: «дела домашние» будет называться. Такую передачу все пенсионерки слушают, рейтинг ожидается просто обалденный. Эх, знали бы они, почему я так хорошо эти домашние дела освоила. А вы, Георгий, знаете? Потому что мой муж всё у компьютера или за каким-нибудь интервью побежал. Я уже научилась и гвозди забивать сама, и карнизы вешать сама, и шкафы ремонтировать сама. Всё сама. А я, между прочим, замужем. И у меня в доме муж есть.

Мих. Извини, Жанка, ты сейчас не о том...

Жанна. Конечно, я же всегда говорю не о том. И делаю не то. А Игорь Олегович сказал, что он мою передачу слушал, и она ему очень понравилась. И музыку я отличную подобрала. Он говорит, что если у меня будут проблемы на работе, он их может разрулить. Вернее, урегулировать. Ну, проблем у меня сейчас как раз больше дома. Ирка из школы приходит вся дёрганая. А потом гуляет допоздна. Говорят: переходный возраст. У неё уже два года этот самый возраст. Когда уже он кончится?

Мих. Ты её вечером на улицу не пускай. И сама пореже выходи. А может, вы поехали бы с ней к дяде Петру, в Минск?

Жанна. Ты что, обалдел? Во-первых, зачем? Когда? И на какие шиши? Он что, нас приглашал?

Мих. Нет пока, но я подумал, что у него вам было бы спокойнее. И он вас давно ждёт.

Жанна. Чего это ждёт? Откуда ты решил? У ребёнка школа как раз, проблемы везде. И ты её на раскопки взять обещал, она очень хочет.

Мих. Да, обязательно. Но ты же видишь...

Жанна. Что вижу?

Мих. Я не могу. Я как бы в командировке.

Жанна. Ну, когда освободишься. И обязательно поговори с ней о поведении. Объясни ей, что я ей не враг, что если я чего-то прошу у неё, значит – я требую! Конечно, переходный возраст. А на самом деле это у меня переходный возраст. Всё время перехожу от отчаяния к надежде. Просто сумасшедший дом.

Мих. Что же тогда обо мне говорить?

Жанна. Ну, тебе-то хорошо. Дай-ка я на тебя получше посмотрю... Игорь Олегович сказал, что тут у вас женщин нет. Или почти совсем нет?

Мих. Что? Женщин?.. При чём тут женщины?

Жанна. Ну, так вообще спросила. Я же тебя немножко ревную, дурачок. Хотя для тебя это всегда было безразлично. Такой уж ты родился. Жена для тебя вроде электрического чайника. Только для удобства. Для комфорта. Ты любишь комфорт. А я беспокоюсь. Ночью просыпаюсь и думаю: где это мой мужчина? Где тот, кто должен быть моей отрадой и защитой? Поел ли он? Всё ли у него в порядке?

Мих. Если бы ты только знала...

Жанна. Теперь я всё знаю. И очень хочу, чтобы ты не забывал меня в этом своём учебном центре. Вдруг ты чему-нибудь новому научишься. Чему-нибудь полезному для жизни.

Мих. На самом деле мне очень трудно.

Жанна. Что же поделать? Надо потерпеть, потом будет легче. Может, тебе зарплату добавят. А командировочные тебе выдадут?

Мих. Нет, не обещали. А может, и выдадут. Догонят и ещё раз выдадут.

Жанна. Ну, не надо быть таким пессимистом. Мрачность тебя не украшает. Я думаю, здесь вокруг тебя люди в основном весёлые, оптимисты. Правда, Георгий?

Жора. Ясное дело. Сплошные комики. Нам скучать нельзя.

Жанна. Вот видишь! Хорошо, что тебя здесь оставили, никуда не отправили. И товарищи вокруг очень хорошие. И дело, наверное, очень важное. Так что ты держись, будь мужчиной.

Мих. Это последнее, что у меня пока остаётся. Я боюсь не выдержать...

Жанна. А тебя друзья поддержат. Люди в жизни вообще никогда не обходятся без поддержки. Вот мне, как ни трудно, приходится поддерживать и тебя, и Ирку, и твою маму. И твоего отца, пока он живой был. Всё на мне, а разве я ною, разве жалуясь?

Мих. Нет. Видимо, жалуясь я.

Жанна. Как обычно. Ничего, милый, ты без нас тут прекрасно обходишься. Это нам без тебя нелегко. Но эта разлука наша когда-нибудь закончится, ты потерпи.

Мих. Терплю. Ты мне что-то с воли... Из дому привезла?

Жанна. Ах, Мишка, тебе и удача выпала, и карьера движется, а ты всё такой же остался: баловень и попрошайка. Я же не подготовилась. Игорь Олегович сказал, что здесь всё есть, всего достаточно, вас отлично кормят. Вот, посмотри, как выглядит человек! Явно не голодает. У вас тут, наверное, даже спортивный зал есть, хотя ты спорта не уважаешь.

Мих. Это я раньше не уважал. Теперь придётся зауважать.

Жанна. Ну, насильно мил не будешь. Понимаю, тебе хочется чего-нибудь домашнего. Как у жены. Как дома. Иногда такие мелочи многое решают. В повседневной жизни их вроде не замечаешь. Ешь их, купаешь, имеешь их, мимо них бежишь по пустяковым делам. А они-то и есть главная удача. Свечи в праздник. Пастила. Любимая музыка.

Мих. Не знаю, будет ли всё это у меня ещё когда-нибудь.

Жанна. Я смотрю, ты сентиментальным становишься. Наверное, возраст своё берёт. Но ничего, зрелость талантливых людей только украшает. Будто золотит их.

Мих. Серебрит, скорее. Посмотри, у меня седина появилась?

Жанна. Да ну! У тебя и раньше немножко была. Она тебе идёт. Ты будешь совсем седым очень красивый. Все бабульки будут на шею вешаться и штабелями падать.

Мих. Это если я доживу.

Жанна. Куда ты денешься? Все доживают, и ты доживёшь. Помнишь, как Эпикур говорил: пока есть мы, нет смерти, а когда есть смерть – нет нас.

Мих. Слабое утешение. Я бы сказал: лучше умереть сразу, чем каждый день жить в ожидании собачьей смерти.

Жанна. Ну да: лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Так только говорить хорошо. А если не то, что на коленях – на карачках жить не дают? Каждый день что-то от тебя нужно, каждый день ты что-то кому-то должна, кому-то что-то недодала, с кем-то недоговорила, с кем-то недопила, кому-то недоплатила, что-то не дописала! А муж, вместо того, чтобы помогать, усвистал куда-то. Нужен был тебе этот конкурс, эта учёба? Притворился бы, что дурак – тебя бы и не привлекали.

Мих. Я притворился. Не помогает.

Жанна. Поздно притворился. Теперь только плыви по течению. Правда, Мишка, постарайся не переть против трактора. Ты иногда любишь правду искать и умнее всех быть. А сейчас это не в наших интересах. Если тебя отчислят, я тебя перед Игорем Олеговичем защищать не буду.

Мих. Господи, если бы меня захотели отчислить!..

Жанна. Ну, значит, не положено. Ты соберись с силами и терпи. Мы с Иришей будем потом тобой гордиться. У меня помада размазалась?

Мих. Нет. Ты отлично выглядишь. Ты очень красивая.

Жанна. Вот ты врёшь, а слышать всё равно приятно. А у вас, Георгий, есть жена?

Жора. У меня? Так, иногда бывает.

Жанна. Так вы никакую девушку и не осчастливили? Как говорит наш старший продюсер, это гендерный шовинизм. В хорошем смысле.

Мих. Жанка, прекрати.

Жанна. В самом деле, мне уже пора. Я пойду, ладно? Будь здоров, не грусти. Чао. *(Быстро достаёт из кармана свисток и коротко свистит).*

Мих. Что это? Зачем ты?..

Жанна. Игорь Олегович дал. Сказал, если мы закончим раньше, чем он вернётся, чтобы я сигнал подала. Вот я и сигналию.

(Входит Иванович.) И-ч. Свидание окончено. Пройдёмте со мной, начальник сейчас за вами придёт.

Жанна. Пока, милый. До свидания, Георгий.

Жора. Будь-будь!

Мих. Прощай, родная моя.

(Иванович и Жанна уходят)

Жора. Хорошо себя вёл, терпимо. Баба твоя, конечно, стерва. И то ей не так, и это не эдак. За то я их и не люблю. Но ты молодцом, выстоял. Иди в камеру, пятый.

Явление 11. Камера №1.

(Мих. и Трет. моют камеру №1)

Мих. У меня ощущение, что я попал в какой-то фильм ужасов. Или в театр абсурда. Я раскрываю тему, в которой нет ни слова правды; пишу о людях, которых совершенно не знаю, не понимаю и уважать не могу. А о людях, которые рядом со мной, я не смею записать ни слова. Каждый мой день похож на предыдущий. Как время в тюрьме идёт долго, просто тянется! А потом, когда будешь вспоминать – оказывается, только некоторые основные моменты и запомнил. Разве можно пересказать сутки, в которых ничего не происходит. Ничего важного. Поел, если удалось. Помочился и оправился. Подумал... О чём думал – теперь уже и не вспомнишь. Прошли сутки твоей жизни. Твоей единственной, неповторимой жизни. И ничего из них не запомнилось. Тюрьма стирает личность.

Трет. А разве на свободе таких суток не бывает? Разве ты помнишь каждый свой день?

Мих. Конечно, нет. Только хорошие помню. В основном, конечно. Но они же были! А здесь...

Трет. А здесь хороший день – тот, за который ты ни разу не огорчил начальство. Дали тебе задание – выполни его со всем усердием. С душой. Не ты первый, не ты последний.

Мих. Да, я знаю. На эту тему столько написано! Я же читал: существует огромный массив литературы. «Архипелаг Гулаг». «Крутой маршрут». Тысячи воспоминаний репрессированных. Ваше поколение знает это ещё лучше меня. Выходит, что ничего в мире не меняется?

Трет. Верно, Миша, верно. Но как же не меняется? Чтобы разглядеть изменения, нужно сравнить их с предыдущим положением. Были времена: когда губернатор прикажет – человека хватили жандармы, сажали в тележку и везли в Сибирь. Но остальные жили спокойно. До середины девятнадцатого века крепостное состояние, практически рабство. И в Америке подобное было, но там – по цвету кожи, а здесь – просто по факту рождения. Потом освобождение крестьян без земли, с откупными свидетельствами. В университете это проходили?

Мих. Я биологический окончил.

Трет. Ничего, поправимо. Знания о внутривидовой борьбе журналисту не помешают. Потом социальные движения, периоды реакции, общественные катаклизмы, войны, и между ними застойные времена. Различие только в том, что раньше тюремщик и палач выступал от имени царя или государства, от лица властей, по поручению носителей руководящей идеи. А теперь, когда власть и стала руководящей идеей, он выступает от самого себя. Прежде право на арест постороннего человека давала принадлежность к государственной полиции или другой важной структуре. Теперь для этого достаточно только силы. Но именно это наших частных в итоге и подведёт. Знаешь, как сказал Архимед? «Сила связывает».

Мих. Боря, этого я не понял. Кого связывает?

Трет. Ты бы, Миша, чище в углах протирал. Ивановна вернётся, недовольна будет. Сила связывает её носителя. Так, попробую для тебя адаптировать. Общая теория нам сейчас не

важна, а на практике есть два аспекта. Одно: что начальник руководит, пока он в структуре встроен. Как только он из структуры выпадет – быстро среди нас окажется, может, даже в этой камере. Следующий начальник сразу оценит удобства, которые даёт такой объект. И прежнему покровителю придётся расстаться со всем имуществом, причём расстаться в мучениях, потому что волки, вроде нашего Игоря, не поверят, что он сразу всё полностью сдал. А второе: что самодеятельность дойдёт до начальника высшего. И тот скажет: а как смел этот малый мои права присвоить? Пока он по моим указаниям действует – правильно, а уж если отсебятину порет, людей по собственному усмотрению хватает – его следует заменить.

Мих. Это похоже на веру в доброго царя. Почему же не заменил до сих пор?

Трет. Может быть, ещё не доложили. Или время не пришло. Их мудрость – совсем не наша, она высшая. Нам с тобой она непостижима. Знаешь ли, в горних высях разрежённый воздух. Но им дышат орлы!

Мих. Козлы, а не орлы. Ты любишь литературу, так вспомни Пушкина: «жить убийством и разбоем и значит, по мне, клевать мертвечину». «Капитанская дочка», между прочим.

Трет. И что же дальше?

Мих. А то, что терпеть я не буду. Я не крепостной, не раб и не заключённый. То есть, не преступник, я хотел сказать. Пока сила у них, но так недолго будет. Нужно просто сбежать. Разработать план и удрать. Мы вырвемся отсюда, живыми или мёртвыми.

Трет. Ого! Уже появились мы? Да, вот тебе плоды ночных визитов к прекрасному полу. Очень рад, поздравляю. У тебя на воле жена есть, дочка. Вернёшься к ним?

Мих. Неважно! Надо только выйти отсюда и рассказать всему миру, что здесь творится. С фактами, в подробностях. А потом будем решать, где и с кем жить.

Трет. Множество сложных задач. Выйти отсюда непросто. Рассказать всему миру? Ещё сложнее. Да и кому рассказывать? Ивановичу? Олеговичу? Или, не дай Бог, самому *(понижает голос)* Сергею Николаевичу? А то они чего-то не знают... Миру на нас начхать. Ну, добавишь ты к массиву литературы о тюрьмах ещё один кирпичик. Тебе за него даже не заплатят. А решить, где и с кем жить – совсем трудная задача. Не думаю, что тебя примут там, где ты захочешь поселиться. А где ты какое-то право имеешь, ты теперь и сам не останешься. Долить тебе жидкого мыла?

Мих. Нет. Нет! Я не согласен! Ты готов примириться с ними, ты уже смирился, а я никогда не смирюсь! Я буду биться с ними, драться, кусаться, зубами их рвать... Выберу только момент. Я дождусь своего часа, и тогда им придётся плохо. Ой, плохо. Им это сильно не понравится!

Трет. Эх, Миша, мне, конечно, твой молодёжный задор очень симпатичен. Сам когда-то таким был. Есть одно одолжение, которое я тебе сделаю. Ты ещё вспомнишь меня добром, поверь мне. Я никому не расскажу о твоём настроении, вот что я сделаю. Ты мне не говорил, я тебя не слышал. Домывай вот здесь, по краю, кажется; Иванович идёт.

Явление 12. Коридор объекта.

Дора. Ну, говорите! Что случилось?

И-а. Не знаю, как тебе и сказать...

И-ч. Да что там! Анна Ильинична, на выход с вещами! Ну что смотрите на меня, будто впервые видите! Поздравляю вас: за вами персональная машина послана. Поедете в

резиденцию. Возьмите всё, что вы хотите взять отсюда. Обратного-то вы и не вернётесь, наверное. Вы теперь наследница, вас теперь руководство хочет видеть. Поздравляю вас. Официально сочувствую вашему горю.

И-а. Дожили! Ты дотерпелась! Твой не дожил, а ты дожила. Нету его больше, понимаешь? Всё, что его было, теперь твоё будет. Незачем тебе больше Дорой зваться. И огоньку больше незачем просить. Теперь кури, сколько хочешь. Пей что хочешь. Гуляй, где хочешь. Всё, свобода! Поняла, Анна Ильинична?

Дора. Анна Ильинична... Да, так меня звали. Ты сказал – его больше нет?

И-ч. К сожалению, Сергей Николаевич застрелился, когда узнал о своей отставке. Мы не имеем права обсуждать подробности, но вам могу сказать: новый губернатор (*понижает голос*) Виктор Алексеевич распорядился, чтобы все, пострадавшие при Сергее Николаевиче, были реабилитированы. Ему доложили о вашей судьбе; он выразил своё личное сочувствие и скомандовал, что с вами теперь всё будет по закону. Строго по закону.

И-а. Ты прости нас, если что не так было. Зла держать не надо, мы же хотели как лучше. Работа у нас сама знаешь, какая. А порядок должен быть.

Дора. (*плачет*) Сколько?.. Когда?.. Сколько времени я здесь была? Сколько?

И-ч. Воды дай, быстрее. Два года, один месяц и восемь дней. Согласно распоряжению. Льготный режим, минимальные мытарства, сохранение жизни.

Дора. Когда? Как он умер?

И-ч. Позавчера. Говорят, он выстрелил себе в висок. Дважды. Но, конечно, подробностей никто не знает. Похороны будут завтра. Крематорий, панихида. Вы будете присутствовать. Чёрного платья, извините, у нас нету, сейчас поедете как есть, вам там подберут подходящее.

Дора. А сын? Мой мальчик?

И-ч. Не могу знать. Очень полагаю, что с ним всё в порядке. Он же у вас за границей учится? Ну так приедет, если сможет. В резиденции, - там всё, что положено, объявят. Ещё раз поздравляю вас, Анна Ивановна, и также соболезную.

И-а. Ну вот, ну вот... Попей ещё. Хочешь своё полотенце взять? Там у тебя будут настоящие, махровые, пушистые. Удачи тебе, милая! Не поминай нас лихом...

Дора. Стойте! А здесь как же? Все они так и останутся?

И-ч. Не беспокойтесь, Анна Ивановна, беспокоиться вам не велено. По каждому будет принято справедливое решение. Должен доложить по секрету: Игоря-то больше нету! Тю-тю, вечный покой и светлая память. Теперь нам нового проверяющего пришлют. А вам ещё жить и жить, вы ещё молодая. Вы ещё много хорошего в жизни увидите. Пройдёмте, пожалуйста.

Дора. Подождите! Я хочу попрощаться. Я уйду отсюда, уйду... Боже мой, я выхожу отсюда! Навсегда! Но я должна проститься. Так нужно. Я хочу попрощаться с Борисом и с Мишей.

И-ч. Извините, не понял, с кем?

Дора. Ну, номер три и номер пять. Можно?

И-ч. Пожалуйста. Вам, наверное, было бы разрешено. Только порядок – он обязателен для всех. Не имею права открыть одновременно обе камеры. Во избежание беспорядков. По одному – можно. Проверяющего у нас сейчас нет, наказывать нас некому. Какую первой желаете: пятую или третью? Или всё равно? Ну, вот третья ближе (*открывает камеру*). Третий, внимание. Встать, выйти в коридор.

Дора. Это я вас позвала. Должна вам сказать...

Трет. Я догадался! Вы уже имеете право звать, кого захотите, и идти, куда захотите. Поздравляю вас, Дора. Желаю вам самого-самого лучшего. Исполнения желаний. И чтобы у вас появились те желания, которые хочется исполнять.

Дора. Я больше не Дора! Сама ещё поверить не могу, но мне теперь вернули имя, вернули жизнь. Может быть, вернут сына.

Трет. И отлично, прекрасно. Только не говорите мне своё прежнее имя! Во-первых, чтобы я не расплакался. Слёзы не украшают стариков. А во-вторых, точнее – в-главных: вдруг вы потом на своих вершинах вспомните, что кто-то случайно узнал то, что ему знать не нужно... Что-то лишнее. Ведь ему не поздоровится, а? Нет-нет, я рад, если хоть чуть-чуть украсил вашу ситуацию. Я старался говорить вам только приятное. Но это приятное нужно было в нашем положении ещё найти...

Дора. Спасибо тебе, Борис! Ты меня действительно утешал. Как мог. *(Ивановичу)* А если вы и его сейчас отпустите?

И-ч. Насчёт этого распоряжений не было. Давайте-ка пойдём, ваша машина, наверное, уже подошла.

И-а. Да он и сам, может, не захочет уходить.

Трет. Совершенно верно. Давайте дождёмся соответствующих распоряжений. Вы же понимаете: вертикаль власти и всё такое. Вы же сами теперь к ней принадлежите.

Дора. Ну что ты? Кем я теперь буду? Отставной вдовой бывшего начальника, разжалованного самоубийцы? Хорошо, если мне дадут убраться отсюда. Никому я больше не нужна.

Трет. Дора-Дора, а ну-ка вспомни, о чём мы с тобой говорили. Ты только живи, не болей, живи дольше – и обязательно доживёшь до самого хорошего. Да ещё до такого, что ты сама не ожидаешь. Прости, Иванович, не сердись: мы встречались иногда с позволения Игоря Олеговича, так было надо. Он мне разрешил, ты не знал.

И-ч. Чего там сердчать, чего знать? От меня здесь секретов нету. Вот Жора, спасибо, не знал, а то были бы тебе воспитательные меры по полной катушке. Ну иди, иди в конуру, нечего базар разводить *(заталкивает Трет. в камеру)*. Теперь пятого? А может, ну его? Скорее поедете...

Дора. Нет, я ещё на секунду. И вам хотела спасибо сказать, что не каждый день меня обижали. Не хочу задерживаться здесь лишней секунды! Одно только словечко скажу. Открывайте.

И-ч. Прошу *(открывает камеру)*. Пятый, внимание. Встать, выйти в коридор.

Мих. Что случилось?

Дора. Это я вызвала. Я выхожу отсюда. Навсегда.

Мих. Дора!..

Дора. Хочу, чтобы ты запомнил: я больше не Дора! И никогда ею не была. И ты должен о Доре забыть. И если случайно выйдёшь отсюда – не ищи меня. А если вдруг где-то встретишь - не узнавай. Не подходи ко мне. Никогда! Нигде! Вот *(показывает ему фигу)* твой бунт, вот твои надежды, вот твоя любовь. Закрывайте!

И-ч. В камеру марш! *(Затирает камеру)* Пойдёмте, пожалуйста, машина ждёт. Ваш узелок мы поднесём, мы поднесём...

Явление 13. Коридор и камера №5.

Жора. Значит, слушай, я повторять не буду. Игорька нету, он, считай, всё, расплатился. Всё, что он говорил, забудь!

Мих. Но как же?.. Он же здесь. Я же голос его недавно слышал...

Жора. Мне пофигу, что ты слышал. Теперь ты меня слушай. Навсегда забудь, я сказал. Руководство сменилось. Не твоего ума дело как что. Сменилось – и всё. Сергей Николаича нет больше. Совсем нет. И ты на время его имя забудь. Когда прикажут – вспомнишь, а пока забудь. Я бы сам здесь остался, но наверх забирают. Руководить вами, козлинами. Ты остаёшься здесь за проверяющего. Иванович тебе всё объяснит, чего куда. Ему предлагал, но разве же с ним сговоришься! Это он тебя на место посоветовал, цени. Он сейчас придёт, даст тебе переодеться. Видишь, какое уважение ты за два месяца заработал. Наши пацаны все уехали. Кто куда. Поэтому новых пришлют. Кого – пока не знаю. Не сработаешься с ними – сам виноват будешь.

Мих. То есть, вы хотите сказать, что я останусь тут, у вас, навсегда?

Жора. Ну ты тормоз! Чего тебя только Иванович продвигает? Я же ясно объясняю: ты остаёшься за проверяющего. Можешь домой к себе съездить, взять, что надо, своих повидать – и назад. День отдежурил – ночью отдыхаешь. Тёлок сюда не водить, друзей не поселять. Порядок соблюдать, команды начальства выполнять. Пить на работе строго воспрещается. В остальном – твоя воля. Ну, Иванович тебе подробно расскажет. Сам же ты отбывал, значит, понимать должен. Привезут кого – разместишь, номер назначишь. Разъяснишь цели пребывания. У нас без цели никого не держат. Потребуется – с братками перевоспитаешь, успокоишь. Короче: чтобы порядок был. Если что, с тебя спросим. Усвоил?

Мих. Но я даже не знаю, где мы находимся?

Жора. А чего тут знать? Вышел на улицу – за химчисткой кафе, за углом кафе остановка автобуса, номер восемь. Прямо до центральной площади доедешь. Тут когда-то дом отдыха был. Ведомственный, как бы. При Сергее Николаевиче переоборудовали, укрепили. Может, при тебе сигнализацию и телекамеры поставят. И раньше бы поставили, да всё денег не хватало.

Мих. Но тут же остаются люди?

Жора. Где люди? Какие люди?

Мих. Так в камерах же.

Жора. А, эти... Так это тебе контролёр объяснит. У каждого проверяющего есть контролёр. Со своим ты скоро познакомишься. Тебя в курс дела введут, не бойсь. А этих всех – на твоё усмотрение. Хочешь – запирай, хочешь – выпускай. Новое начальство новые цели поставит, значит, новых и пассажиров тебе привезут.

Мих. Привезут новых? Они же могут пожаловаться, в полицию сообщить. Вам же придётся их выпустить. Вас же самого посадят.

Жора. В полицию, говоришь? (Вытаскивает из кармана «корочку» и взмахивает ею) Я здесь полиция! Будто я с вами всеми здесь мало просидел!.. Надо будет – и тебя посадят, а пока работай.

Мих. А как же проект? Материалы мне привозили, я тексты подготовил. Юбилейный сборник...

Жора. Тебе кто это дело поручал?

Мих. Игорь... Олегович.

Жора. А я тебе что сказал? Кончился он, весь вышел. Потому и сборник твой в очко можешь засунуть. Хотя погоди выбрасывать. Может, начальству и пригодится. Своего контролёра лучше спросишь.

Мих. То есть, Георгий, если я правильно тебя понял: я теперь свободен?

Жора. Какой «свободен»?! Свободен ты будешь, когда в могилу положат. Понимать надо: идёт война. Везде идёт, на всех, как бы, рубежах. Сказать круче: по сердцу человеческому идёт. По каждой семье, типа: один за них, другой за нас. Но победим обязательно мы! Иначе быть не может. А на войне знаешь как? На войне свободных не бывает. Всосал?

Мих. Но мне нужно хотя бы время подумать. У меня же работа. И у жены работа. Мы же собирались дочку на раскопки повезти...

Жора. У тебя была работа. А теперь другая, новая. Здесь у тебя работа. А может, ты хочешь в отказ пойти? Типа, на принцип давить? Ну-у, голубь, я даже и не знаю... Как бы твоей дочке не попасть на раскопки твоего трупики. Тогда беги скорее, запирайся в камере, пока наши люди не пришли тебя перевоспитывать. Видно, так ты ничего в жизни не понял, ничему не научился. А я ещё твоего друга изображал, а ты просто враг, оказывается. Мне с тобой базарить сейчас некогда. Не хочешь – сильно пожалеешь. Пошёл вон, свободен!

Мих. Нет-нет, Георгий, ты меня не понял. Я согласен, согласен.

Жора. На что ты согласен?

Мих. Я буду работать. Я сделаю всё, что надо. Понимаю: идёт война...

Жора. Я не засёк: так на что ты согласен?

Мих. На всё... Это просто орвелловское что-то.

Жора. Вот и ладушки. Короче, так: внешний периметр был под током, я ток пока отрубил, Иваныч врубит назад. Ключи в стойке, карточку возьми пока эту. Иванычи вернутся, но мне их ждать некогда. До их прихода ты – за старшего. И смотри, чтоб порядок был!

(Жора уходит. Входит Шестой.)

Шест. Шестой номер, пожалуйста.

Мих. Извините?..

Шест. Дайте ключ от шестого номера.

Мих. Вот этот?

Шест. Да *(берёт ключ)*.

Мих. Скажите, а вы кто такой? Почему вы здесь?

Шест. А вот это – совершенно не ваше дело *(уходит в камеру №6 и запирает за собой дверь)*.

Мих. О Господи! Оказывается, я свободен! Бежать, бежать отсюда... Вот чёрт! Без денег, в этой пижаме? Или выпустить всех и уходить с ними? Сторожевые бандиты, кажется, испарились... *(Открывает камеру №2)* Ага, пусто! Здесь жила Дора. *(Открывает камеру №3)* Выходи, ты свободен!

Трет. Здравствуйте, Миша. Вам удалось восстание, или вы уже приступили к новым обязанностям?

Мих. Боря, ты с ума сошёл! Бежим отсюда! Выпускай всех.

Трет. Я-то пока ещё в своём уме, а вот вы, дорогой Михаил, явно горячитесь. Прекратите суету. Вы уже приняли назначение?

Мих. Какое назначение?

Трет. Нашим новым проверяющим. Во всяком случае, вас именно собирались назначить. Правда? Вижу, вы уже в курсе.

Мих. А что ты мне выкаешь? Раньше, кажется, «на ты» были.

Трет. Это из уважения к вашей должности. Не спешите принимать непродуманные решения. А где Иванович?

Мих. Чёрт его знает. Уже сбежал, наверное.

Трет. Не думаю, не думаю. Если он покинул свой пост, значит, произошло что-то очень важное. Видимо, он поехал на собеседование с новым руководством. Вернётся – и всё пойдёт по-прежнему.

Мих. Не пойдёт! Сюда меня привезли с завязанными глазами, а отсюда я уйду с открытыми. А пока надо освободить всех! Никто не должен здесь больше мучиться. Понимаешь, я ведь мог раньше проезжать мимо этого дома, я видел его ограду, стены – и не подозревал, что за ними страдают люди. Ни в чём не виноватые люди! И не думал, что буду мучиться я!

Трет. Ну что же. Если вы, новый проверяющий, так полагаете... Только куда вы теперь мне идти прикажете?

Мих. Ладно, это мы потом решим. Давай пока выпустим этого (*открывает дверь камеры №4*). Помоги мне его вынести.

Трет. Пожалуйста. (*Вдвоём выносят лежащего Чет.*) Тяжёлый, чёрт, хотя и худой. Куда его класть?

Мих. Не знаю. Вот, клади пока на пол. Что с ним?

Трет. А этого я не знаю. Полагаю, гм... гм... Да, по-видимому, его накачали снотворными. И запах от него. Идти он сам явно не сможет. Вы хотите сами понести его, или сначала переоденете?

Мих. Эй, ты, правдолюб! Ты меня слышишь? Свобода пришла. Свобода! Тебя отпустили на волю. Эй, очнись!

Четв. М-м-м! Спасите, убивают!

Трет. Не трогайте его, Михаил Палыч. Вам же легче будет. Пусть полежит в своём дерьме, если его ругань вас не смущает.

Четв. Убийцы, воры!

И-а (*входит вместе с Ивановичем.*). Ну что ты, Миша, человека зря мучишь? Что ты его туда-сюда таскаешь? Ты хотел его к себе домой взять? Ты его перевоспитывать будешь?

И-ч. Вы напрасно беспокоитесь. По каждому будет сделано соответствующее распоряжение. Мы сегодня были на докладе у руководства. Кстати, контролёр нашего района прежний. Нашу работу вполне одобрили. Всё должно идти обычным порядком. Порядок обязателен для всех. Вот двери настежь оставлять – это непорядок. Давай, Ивановна, положим его обратно. Берись снизу (*вместе с Ивановной уносит Четвёртого в камеру №4*).

Трет. Вы, Миша, взысканы по заслугам. Если в разуме руководителей есть нечто высшее, то в переменах среди начальственных персон безусловно содержится нечто божественное. Это воля провидения, непонятная обычным смертным. Вот и вас сочли достойным послужить лучшим людям своей страны. Не сомневайтесь; это путь приличный для мужчины.

Мих. И вы думаете, вы все думаете, что попав в этот отель принудительно, я потом смогу каждый день возвращаться сюда добровольно?

Трет. А что в этом такого невозможного? Вот хоть Ивановича спросим.

И-ч. Запросто. Вы, Михаил Павлович, хотя теперь и проверяющий, но всё ещё начальник небольшой. Хотя уже и облечены, можно сказать, доверием. А нам сегодня разъяснили: в

мире идёт война. В каждой стране, в каждой семье идёт. На войне бывают только три категории людей. Только три: друзья, враги и предатели. Друзья – это те, кто понимает, к чему начальство ведёт и как его указания в жизнь превратить. Это свои, им можно хорошо жить. Враги – это те, кто против нас. Они, может, заблуждаются, но у них своё руководство есть, они его честно слушают. Мы их победим. Или они сами сдадутся. Но пока им тоже можно жить. А вот предатели – это те, кого начальство доверием облекло, но они доверия не оправдали. Те, кто своим только казался, а сам врагам продался. И вот они как раз жить не должны. Совсем никак не должны. Неужто, Миша, вы хотите предателем стать?

Мих. А если никакой войны нет? Совсем нет? Должна же когда-нибудь наступить мирная жизнь, без всяких врагов и предателей.

И-а. Дак и нам-то что? Ну, мирная жизнь наступит, а обеды всё равно раздать нужно. И мыть человека нужно, и брить, и подстригать. И смотреть, чтобы он глупостей не наделал, чтобы порядок соблюдал, соседей и начальство чтобы не беспокоил. У нас работа всегда будет.

И-ч. Что-то ты, Ивановна, разговорилась. К дождю, наверное. Пойди, третьего в номер верни. Видите ли, Михал Павлович: ежели человек ведёт себя неудобно, то долго его терпеть не будут. Либо в землю, либо в тюрьму, либо к нам такой попадёт. Вот и вам теперь выбирать, куда больше хочется. Пойдём, я костюмчик верну, в котором приехали. Вы сегодня за всеми этими делами и не обедали, ну так уже дома покушаете. Жена ваша, наверное, обрадуется, расстарается. А завтра к десяти утра прошу обратно к нам.

Трет. До свидания, Михаил Павлович, не пренебрегайте нами.

И-а. Приходи завтра. Работы полно.

Явление 14. Камера №4.

И-а (*открывает камеру №3*). Третий, к выходу. Пойдём, старик, поможешь. Вот, бери тазик.

Трет. Да-да, конечно, пойдёмте. Трудно вам стало?

И-а. С чего ты взял?

Трет. Китайцы говорят: самое тяжёлое – жить в эпоху перемен. Кажется, у нас уже наступила такая эпоха.

И-а. Когда кажется – перекреститься надо. Не бойсь, пока толстый сохнет – худой сдохнет. Не дождётесь вы все перемен.

Трет. Да я и не жду. У нас все перемены только к худшему.

И-а. Вот-вот. (*Закрывает камеру №3, открывает камеру №4*) Подъём! Оправка и заправка. Ну, вставать можешь? Потри ему уши. Ну хватит, хватит выёживаться. Поднимайся.

Четв. М-м-м... Не бейте.

И-а. Да никто тебя не трогает. Поднимай задницу. Переоденем тебя, пайку дадим. Дома бы ты за такое платил, а тут тебе полная халява. За казённый счёт. Домой хочешь, нет, плакса? Много они ему сонников закатали, никак не очнётся. Да может, так и лучше. Давай, приподними его. Сзади упрись, вот так. Смотри не перемажь тут всё. Ставь его на ноги, ставь. Так, вот правильно. Теперь исподники снимем, вытрем тебя – во-от, вот, - новые набросим – и будешь ты молодцом. Все твои друзья сбежали: и Валяй, и Хулиган,

и Жора. Жора, правда, сильно на повышение пошёл. И проверяющий у нас новый, охрана новая; может, и порядки новые заведутся.

Трет. Извините, Ивановна, я спрошу: а зачем вы его в белье держите? Он же марает всё. Так бы без одежды и клали на клеёнку. Стирки было бы меньше.

И-а. Нет, нельзя. Во-первых, так начальство не велит. А потом в любой момент его могут потребовать, посмотреть. Хоть охрана, хоть кто. Вдруг контролёр сам приедет. Порядок должен быть. Стирка-то не наша, быткомбинат стирает. Но если вот не велит проверяющий кормить его – вот тогда ему кранты. Понял, четвёртый. Это тебе не на митинге выступать.

Четв. Я... не выступаю больше...

И-а. И правильно. Нечего и выступать. Отмитинговались. Тебе скажу, хотя тебе и знать того не надо: вот ты всё против благодетеля нашего Сергей Николаевича выступал, так нету его больше. Совсем нету. Радуйся. Теперь у нас наверху (*понижает голос*) Виктор Алексеевич. Доволен?

Четв. Как это? Когда это?

И-а. О, смотри-ка, просыпается. Что тебе неясно? Выбыл Сергей Николаевич по причине скоропостижной смерти после отставки. Уже, наверное, сегодня и похоронили.

Четв. Не может быть! Он просто умер? Как и я?

И-а. Ты-то ещё живёхонек. Пока что. (*Третьему*) Грязное в мешок клади, а это ему тут поставим (*ставит миску на тумбочку*). Прочухаешься, так пожуёшь. Может, теперь и отпустят тебя, бедолагу. Сергей Николаевич помер, а как там было, да что было – не нашего ума дело. И не твоего! Меньше бы рассуждал – лучше бы себя чувствовал. И не тряся бы весь.

Четв. Он же ушёл, от суда ушёл! Его нельзя хоронить. Его надо судить, судить публично. При всём народе, на площади.

И-а. Мёртвых не судят, дурачок. Ну, допустим, ты сам в судьи вылезешь. Если как следует помоешься, конечно. И к чему ты его приговорил бы? К смертной казни? Так он уже там.

Четв. Я бы... К вечному позору! Навсегда! Ко всенародному проклятию! Его и всех прихвостней. Всех, кто помогал ему народ давить. Всех сатрапов его! С конфискацией имущества.

Трет. Ивановна, разрешите, я один вопросик задам. Ему. Очень прошу. Весьма интересно.

И-а. Вижу, так он и останется у нас. Ничего не понимает бедный. Ну, попробуй. Но вопрос только один.

Трет. Да, да. Скажите пожалуйста, вы, насколько я понял, выступаете от имени народа?

Четв. К чёрту! Нет у меня никакого имени. И ни от кого я больше не выступаю. Но народ всё видит, всё понимает. Долго он всё это терпел, но больше терпеть не захочет. И судить гада надо было именем народа.

Трет. Да, да, конечно. Вы явно выступаете от имени народа. И Сергей Николаевич делал то же самое. Принципиальной разницы между вами я заметить не в силах. Спасибо.

И-а. Ну это ты, старик, загнул. Как же разницы между ними не видно? Любому эта разница прямо в лицо бросается.

Трет. Вы совершенно правы. Фактическая разница между ними безусловно есть. А принципиальной я не отмечаю. Разве на месте Сергей Николаевича этот наворотил бы меньше?

Четв. Врёте вы! Разве дело во мне? Разве я украл у страны хоть что-то? Это у нас всю жизнь украли. И даже не в вашем покойнике дело. Ну, помер один вор, назначат другого. А вот те, кто каждый день помогал ему воровать, кто одобрял все его затеи... Кто его мудростью восхищался! Вот их бы судить вместе с ним. И когда-нибудь их будут судить, обязательно будут. Боже, как я их всех ненавижу! Взорвать бы их всех к чёртовой матери.

И-а. Ты бузи-бузи, да знай меру! Тебя такого если выпустить, так ты завтра с бомбой в губернаторский дом пойдёшь.

Трет. Не пустят его. Там охрана.

И-а. А и ещё хуже. Он на улице рванёт. Или в школе какой-нибудь. Виновных не найдёт, так на невиноватых отыграется. (*Четвёртому*) Так что лежи тихо. Счастье твоё, что новый проверяющий пока не велел тебя воспитывать. Приедет контролёр, они тогда и решат, как с тобой быть. Но только чувствую я, что мы ещё долго встречаться будем. Полежи, подумай. (*Третьему*) Забирай манатки, пошли отсюда.

Явление 15. Коридор объекта.

И-ч. Ну, вроде всё основное вам показал. Вот так всё это каждый день работает. Верите, сам ушёл бы давно, если бы не квартира. Здешнюю нашу не продашь и не сменяешь. Зато спокойно, на охраняемом объекте. Когда-нибудь объект закроют, а тогда и я на пенсию пойду. Но пока такое не предвидится. Мы ещё ой как нужны, мы ещё очень пригодимся.

Мих. Иванович, но почему всё-таки я? Столько народу здесь перебивало; любого могли бы выбрать. И со стороны желающих, наверное, много бы набежало...

И-ч. Вот именно! А объект у нас какой? Объект секретный. Понятно, от народа не спрячешься, народ все секреты знает. Но не каждый секрет кому попало известен. А вы уже тут побывали, попали в поле зрения, как говорится. Порядок знаете, расписку давали. Вижу: Михаил – человек старательный, понимающий, начальство уважает. Значит, хороший служака будет. Это всегда видно: кто начальника от сердца уважает, а кто прикидывается только. И потом же выбор у нас с вами невелик: либо дальше свою лямку тянуть, либо бунтовать и сюда садиться. Как хочешь живи, только выбери: с этой стороны двери жить или с той.

Мих. Было бы за что садиться! Предыдущее поколение боролось против коммунистов, ну и диссиденты садились в тюрьму для того, чтобы коммунисты пропали. Вот, отошли коммунисты от власти. За какие идеи садиться теперь? Поэтому возникает основной вопрос: стоят ли предстоящие перемены того, чтобы из-за них жертвовать своей свободой?

И-ч. Да что же это за вопросы у вас, Михал Палыч, такие странные. У кого она, эта самая свобода, имеется, если так разобраться? Это, знаете ли, как здоровье: пока не подводит – и слава Богу! Когда побеспокоит, вот тогда спохватимся: ах, ох, да куда подевалось, а ведь какое хорошее было. Понимаю, непривычно вам поначалу у нас тут. Вроде как освободились, а опять в те же стены приходите. Кажется, будто вы всё номер восьмой, да? Это забудется помаленьку.

И-а (*входит с подносом*). Мальчики, есть будете? Миша, присядьте с нами, не стесняйтесь. Разве ваша жена пожарит так, как я пожарю? Отбивнушечки хорошие, свежие; масло я своё положила, у этих поваров оно всё какое-то перегоревшее. Или вам неудобно с подчинёнными кушать?

Мих. Ну что вы, что вы!.. Стоило ли беспокоиться? Ладно, я с удовольствием, спасибо.

И-ч. Всей работы не переделаешь. Садитесь, Палыч, закусить сейчас самое время. Моей бы хозяйке ресторан открыть, цены бы не было.

И-а. Какое там «ресторан»! Не нужно это никому. Тут и так целый день толчешься, толчешься, то одно, то другое... А ваша жена довольна теперь, Миша?

Мих. Да. То есть нет, она... Ну как сказать. Получать я стал больше, конечно, тут она довольна. А в остальном... Мало что изменилось. Как целый день меня дома не было, так и теперь нет. Как ссорились, так и ругаемся. Как она меня раньше не понимала, так и теперь не понимает.

И-а. Ну поссоритесь – и помиритесь, дело ваше молодое. Семья – это в жизни самое главное.

И-ч. Вы это потом почувствуете, со временем. Да вы кушайте, кушайте.

И-а. Вам не нравится? Плохо сделано?

Мих. Нет, что вы, очень вкусно. Очень. А вы сами что же?

И-а. Нет-нет, я уже поела. Да мне и нельзя, я в дверь вхожу с трудом.

И-ч. Не болтай глупостей.

Мих. По-моему, вы отлично выглядите.

И-а. Это вы по доброте говорите. Куда там «отлично»? Старая, страшная. Вот только Сеня, спасибо, ещё терпит. Любит, наверное. А мог бы себе найти какую-нибудь с длинными ногами, с шикарной причёской, богатую.

И-ч. Сказал же тебе: не болтай глупостей! Кокетка, понимаешь, нашлась...

И-а. Уже и слова сказать нельзя. А может, Сеня, по одной рюмочке?.. Там же осталось у нас. За новую должность, за нового руководителя?

И-ч. На работе выпивка – это непорядок. В рабочее время – непорядок вдвое. Но если только начальник разрешит... И если только сегодня...

Мих. Да-да, пожалуйста, конечно.

И-а. Да тут немного (*достаёт три стаканчика, разливает*). Миша, скажите тост.

Мих. Да я как-то не умею... Ну, за ваше здоровье.

И-ч. И за ваше назначение. Давайте, пока новые не поступили.

Мих. А что, могут сегодня кого-то к нам привезти?

И-ч. Всегда могут. В любой час дня и ночи. Предупреждают обычно загодя, но и без этого иногда бывает. Мы всегда должны быть на посту и в порядке. Потому как служба. Ну, будем.

И-а. Миша, а ты петь любишь?

Мих. Кто, я? Да, вообще-то я... Иногда.

И-а. А мы когда-то с Сенечкой в хоре пели. Там и познакомились. Давайте, что ли, споём вместе. А дела пусть подождут.

И-ч. Непорядок это. Да ничего, чуток можно. Пока никто не слышит. Какую же споём? Эту, может: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой»...

И-а. Не-а, нет. Давай современное что-нибудь.

И-ч. Ну, ты сказанула. Современное всё попса эта.

Мих. Нет, вот я одну песню знаю. Может, слышали? «И если ты надавишь плечом, и если мы надавим вдвоём»...

И-ч. Да слышали. Хорошая песня, правильная.

И-а. Ну, давайте.

(*Негромко поют втроём*):

Однажды дед говорил мне,
Когда светало вдали,
Мы с ним у дверей стояли,
И телеги мимо ползли.
Видишь ли эти стены?
За ними мы все живем,
И если мы их не разрушим,
То заживо здесь сгниём.
Давай разрушим эту тюрьму.
Здесь этих стен стоять не должно.
Так пусть они рухнут, рухнут, рухнут,
Обветшавшие давно.
И если ты надавишь плечом,
И если мы надавим вдвоём,
То стены рухнут, рухнут, рухнут,
И свободно мы вздохнём...